

Олег АЛИФАНОВ

ВСЕ, КОГО МЫ УБИЛИ

2

12+

@ЭЛИТА

Олег Алифанов

Все, кого мы убили. Книга 2

Электронное издательство "Аэлита"

2016

Алифанов О.

Все, кого мы убили. Книга 2 / О. Алифанов — Электронное издательство "Аэлита", 2016

Уже несколько лет археограф Алексей Рытин путешествует по землям Османской Империи. Он не раз сталкивается с противостоянием таинственных сил и приписывает преследования желанию некоего секретного ордена завладеть загадочной каменной скрижалю, присвоенной им еще в России. Он не стремится ни к борьбе, ни к тайне, но долг по отношению к семье своей невесты, княжны Анны Прозоровской, заставляет его доискиваться до сути. Параллельно в Петербурге однокашник Рытина Андрей Муравьев ведет свое расследование странных маршрутов русских средневековых паломников в Египет. Случайно он наталкивается на сопротивление своим поискам, исходящее из самых высоких сфер, и просит Рытина помочь ему, раз тот путешествует по искомым землям. Их переписка поначалу мешает Алексею, и все же ему придется выяснить, как его злоключения связаны с поиском языка ангелов, который уже столетия ведут тайные общества. Однако древние тайны опаснее нынешних и могут привести к столкновению с миром, о котором помнит только Книга Бытия. Сюжет развивается на фоне «восточного вопроса» и исторических реалий периода 1830 – 1835 гг.

© Алифанов О., 2016

© Электронное издательство
"Аэлита", 2016

Содержание

1. Лето	6
2. Серапион	10
3. Карно	18
4. Хаим	31
5. Беранже	51
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Олег Алифанов
Все, кого мы убили. Книга 2
*Историко-приключенческий роман с
элементами конспирологии и мистики*

1. Лето

Три жарких месяца лета провёл я в совершенной прострации. Дела не шли, и не потому, что недоставало древностей, напротив – не знал уже я, куда их девать. Я мучился от любви и тревоги за судьбу своей невесты, но твёрдо понимал, что если где и мог помочь ей в избавлении от бед, то пуше всего – здесь. Новая попытка разрубить тугой сей узел не принесёт пользы, как и все прошлые, так что теперь распутать его означало решить дело к миру будущей нашей жизни.

Но не на первом ли месте другая причина моего возвращения – тайна?

Отправься я домой, и вся чудовищная совокупность открывшихся мне сведений осталась бы навсегда за бортом моей семейной жизни, в большей или меньшей степени счастливой. И я не знаю, что лучше: неведение существующего вне всякой зависимости от меня, или пустое времяпрепровождение в кругу радостных лиц света, общества блестящих кавалеров и прекрасных дам. Но я всю жизнь жалел бы, что не осмелился притронуться к загадке, за которую иные готовы жертвовать жизнью и ломать судьбы людей и народов.

Конечно, разгадка не ждала меня с лаврами победителя в порту Бейрута, но я несомненно чувствовал, что ведом какой-то долгой, но верной дорогой среди сонмища переменчивых персонажей диковинного маскарада, в кругах которого угораздило меня очутиться.

Но ещё меня терзало осознание отсутствия своей пустоты. И мучился я ещё от того, что не знал, как совместить одно с другим и как истолковать философски отсутствие пустоты; а в деле сём никакие толмачи и драгоманы помочь не умели. Что это – когда нет пустоты? Полнота, никчёмная как хаос, или энергия, дожидаящаяся своего часа, чтобы оформиться в материю? Даже деньги, привезённые из казначейства, сущность для меня совсем загадочная, лежали без приложения у консульского банкира.

И ведь невозможно сказать, что изыскания мои никуда не годились, напротив – регулярные публикации в Петербурге и Берлине вызвали живые отклики из Академий, и теперь подолгу отвечал я на письма коллег. Я открыл для научного обращения немало материалов, по-новому освещавших историю левантийских племён, и даже эпоха блистательных крестоносцев не осталась не затронутой мною. Кроме хвалебных отзывов, встречались и гнусные нападки, в основном принадлежавшие уходящим породам старых школ, кабинетных учёных, никогда не выглядывавших за пороги университетов. Во мне порождали они бессильную злобу в желании отомстить, и ещё сильнее заставляли вгрызаться в работу в поисках опровергающих их мнение фактов. Всё же сам я считал свои достижения бесцельными и разрозненными, лишь добавлявшими ничтожные кусочки смальты к старой сложенной предшественниками мозаике. Нечто неизмеримо важнейшее витало где-то совсем рядом от меня, чувствовал я неслучайность своего пути и своих находок, но никак не давалась мне в руки новая истина.

С любезного разрешения Шассо я присовокупил ещё одну комнату. Прохор мой тут же с охотой взялся за дело: пригнал мастеров, да и сам засучил рукава. До сей поры прозябал он в скуке, от которой спасло его моё предложение об усугублении жалования. Присмотрев способности его к языкам, я поручил ему на пробу разбирать кое-какие бумаги, сначала новые, а после и старинные, и он преуспел до такой степени, что сделался не только полным ассистентом, но и принуждён был я поставить его фамилию после своей в одной из статей в Берлин. Всё же живая работа более занимала его, и как только представилась возможность отложить перо, он с радостью принялся распоряжаться и стучать молотком. Прodelали проходы, поставили двери – и тем превратили часть гостиницы в подобие довольно просторной квартиры. Терраса тоже полностью теперь принадлежала мне, и я обустроил её по своему вкусу. Окно превратилось в дверь, и теперь вечерами я нередко чертил там планы своего будущего дома в Москве, того уютного семейного гнезда, где хозяйкой станет дорогая мне Анна.

Тихоходный корабль, блуждавший по Архипелагу, доставил мне несколько вестей.

Послание Муравьёва ликовало прибытием его сфинксов в Петербург, и совсем не отвечало моему настроению. Сетовал он на всяческие трудности. Корабела уторговали до восемнадцати тысяч. Но при погрузке один исполин весом в полторы тысячи пудов рухнул, сломав мачту и равнодушно повредив свой спокойный вечный лик. Андрей выражал уверенность в том, что и мне, как ценителю эпитафий, будет интересно исследовать истуканов, богатых на иероглифы. Так что, мол, могу я смело возвращаться, ибо его стараниями древние письмена теперь ждут учёных прямо в столице.

Я едва не подскочил:

«Твой наказ, кстати, я исполнил в точности, хоть смысла его и не понимаю. Приходил ко мне какой-то человечико за твоим древнееврейским камнем. Назвал фамилию Хлебников. Полагаю усы его и бороду фальшивыми, как и морщины. Следовало бы дёрнуть, да всегдашняя моя брезгливость не позволила. Откуда знаю я, что камень тот твой? Принёс он точно такой же экземпляр, то есть весьма похожий. Да я сделал мину, что не интересуюсь, и вижу его впервые».

И ни слова о том, чем закончилась их встреча. Ни слова о том, какие слова сказаны, какие вопросы заданы. А ведь это могло бы дать мне так много! Я едва не разорвал листок в клочья.

Так вот он каков – Владимир Артамонов! Значит, и он теперь относится к числу охотников за скрижалю. Теперь для меня твёрдо доказано, что он послал наёмника с раствором Либиха обыскать мои вещи и найти камень. Но как же ловко и долго скрывал он это! Предполагал, видать, что сей визит станет мне известным, так назвался Прохором – весьма остроумно с его стороны, да только мудрено не догадаться. Значит, известие о вероятном приезде Анны в Константинополь, волею случая совпавшее с изготовлением подделки, не стало для него поводом к скорому отъезду, а лишь видимым предлогом для меня. Потому-то он и не скрывался, поднимаясь на судно, шедшее вместо юга на север. Ложь, скрывающая другую ложь – уж сколько раз приходилось мне сталкиваться с таким вот оборотом. Я в ярости стиснул кулаки и зубы, и тут только вспомнил, что и сам уже не раз поступал так же. Тогда кто кого обхитрил?

Но коли он пренебрёг даже свиданием с княжной, какую же дьявольскую ценность представляет сей загадочный предмет? Или прежняя моя догадка верна, и Анна для художника не предмет страсти, а инструмент достижения иной цели – завладения огромным наследством и его наследницей?

Не один час проходил я из угла в угол, словно в клетке, меняя гнев на раздражение.

Впрочем, находилось и ещё одно решение, не хуже первого. До нападения Карнаухова он мог вовсе ничего не знать о камне, а обыск устраивал в поисках тетради князя, для чего и послан был им самим или его врагами. Но, поняв его ценность, и зная, что Игнатий связан с тайным обществом, он сделал вывод о том, что и Голуа ищет то же. Но из вида, с которым Голуа принял фальшивый камень из моих рук, выходило, что свою копию Артамонов готовил для кого-то ещё. И как он прознал о Муравьёве? Конечно, о наших с Андреем похождениях в Константинополе не слышал только глухой. Итак, предположим, Артамонов заявляется в Константинополь. В ожидании Анны он наводит справки. Он знает с моих же слов, что камнем я владел, но после его отослал в Россию, сохранив себе бумажный чертёж. Имея небольшую настойчивость и червонец, проверить в Почтовой экспедиции нашей миссии почту тех дней нетрудно: она уходила не более двух раз. Моих писем в ней нет, но не мог же я совсем не писать из столицы Востока, следовательно, отправил с кем-то, кто следовал в Россию. На Муравьёва и наши прогулки с ним там показал бы всякий, вот и логика. Зачем же тогда ему оригинал? А вот зачем! Уж коли Карнаухов держал его в руках, то и другие члены тайного общества могли иметь какое-либо знакомство с ним, хотя бы при знакомстве с коллекцией раскопок Прозоровского, и тогда попытка всучить им подделку станет смертельно опасным трюком.

Но не поздно ли я сам прозрел весь чудовищный риск своей выходки с Голуа? Удалось ли убить сразу двух зайцев, проверить, что и Этьен охотился за камнем, а не за одним только художником, за коим он, может, и вовсе не охотился. По сию пору слухов о нём не появлялось.

А мог ли кто-то ещё знать, что мне рассказали в Дамаске иудейские учителя? В самом деле, то, что почитал я за глубокую истину, вовсе могло не составлять тайны для многих. Да ведь едва ли не кто угодно – и князь Прозоровский, и Владимир Артамонов, и Россетти со своим приспешником Голуа – все они каббалисты. Но зачем им сам предмет, если нужна лишь надпись, а камень – лишь прочная основа, несущая запись через века? Хаим Цфат утверждал, что расположение знаков идеально. А изображение их – тоже безупречно? То есть может громадное значение иметь малейшее отклонение от совершенства, теряемого при копировании! Я поначалу предполагал, что у древнего искусника не нашлось иного материала, но, в самом деле, что лучше камня? Ткань, дерево, папирус, пергамент, даже медная пластина могут съёжиться, растянуться, сложиться или изогнуться, нарушив идеальный уклад, камень же останется, как был, до самого разрушения, и донесёт через годы не простую совокупность утративших силу знаков, но сообщение, призыв – завет, наконец! Но кто и кому так тщательно готовил его, и как действует сей скрытый жуткий механизм? Проклятая загадка прокралась змеёй в мою жизнь и терзала разум. Но ужаснее, что без разгадки её я не видел пути к своему тихому счастью с моей Анной.

Письмо из Общества вконец испортило мне день.

Секретарь с нескрываемым недовольством писал, что они рассчитывали на большее, отправляя меня в края столь отдалённые и снабдив немалыми средствами. Несмотря на некоторые ценные реликвии, ничего истинно значительного я по сию пору не прислал. Он требовал отчёта об истраченных суммах и в конце прямо заключал, что мне рекомендуется немедленно взяться за поиск некоего сочинения, за которое обещано вознаграждение, кое позволит покрыть мои траты.

Рекомендуется читал я как *предписывается*; *траты* же по прибытию в Одессу грозили обернуться *растратами*, отказ от розыска раритета мог обернуться приказом о поиске новой службы. Это я нашёл ещё не шантажом, но уже угрозой. Не без труда отыскал я первое письмо Общества. Терпеливый благодетель по-прежнему ожидал своей книги от нерадивого студента. Я не сомневался, что за сим стоит фигура князя Голицына. Ночью, когда я тревожно спал, он представился мне чудовищем, разинувшим на меня огнедышащую пасть. Может, таковую метаморфозу претерпело слово *напасть*?

Каким-то образом эти две таинственные нити были сплетены воедино, но мне никак не давалось распознать узелки. Сны мои приобрели характер нервический, болезненный, даже апокалиптический. Я видел себя то в шахматной партии противостоящим Андрею Муравьёву, но король мой падал от небрежного щелчка Дмитрия Дашкова, то в лабиринтах картин ищущим Владимира Артамонова, но находящим Максима Воробьёва, то Бларамберга в кругу яств, разложенных на воспорских тарелках. Иногда все они сидели напротив, вплотную, с прищуром взирая на меня, а я молча глядел на них. Другой поток видений разрывал пороховую завесу дуэлей с Беранже, Карнауховым, Голуа, из поединков с которыми я не выходил победителем.

Я вспомнил про валуны на Арачинских болотах. А дело обстояло так: в поисках первого письма от Общества с просьбой найти старинное сочинение (точное название которого я успел забыть) долго рылся я в своих вещах, коих собралось уже немало, но неожиданно увидел в руках кожаную книгу, подаренную мне Прозоровским с копиями начертаний на огромных надгробиях. Единственная пустота, которая так или иначе оказалась в моих руках, была по-прежнему со мной. О её твердьню я мог легко разбить себе лоб. Или жизнь.

Из неё с изумлением извлёк я и каракули, поспешно снятые усталой рукой с камней Баальбека. Никак не мог я припомнить, когда вырванные из путевого дневника листы могли перекочевать в чужую тетрадь. Всё же два дня я без усталости сличал надписи. Мне не удалось рас-

шифровать ничего из написанного там – и тщетны были бы гениальные потуги Шампольона – его метода применить здесь я не мог. Но знаки оказались слишком схожи, чтобы считать это простым совпадением, и даже сочетания их повторялись нередко, что позволяло заподозрить в них единый загадочный язык. Но всё, что удалось мне извлечь, и так лежало на поверхности. Тетрадь Прозоровского была исписана в зеркальном отображении. Чего боялся он, сохраняя эти руны – я мог выяснить теперь лишь в Каире.

Если вообще это можно выяснить.

Лишь в самый последний час наказал я Шассо пересылать мне почту в Александрию нашему консулу. Конечное место моих странствий недолго останется тайной, так пускай хотя бы не сразу поймут они мою цель. В ответ он вручил мне послание, поступившее только что, и, читал я его уже в пути; оно надолго заняло все мои мысли.

Андрей, очевидно, сочинял его лишь спустя неделю после предыдущей эпистолы. И тон его весёлым уже не был, хоть он и пытался раз пошутить, что один крохотный мой предмет уже умалил его пару огромных сфинксов, но в словах сквозило раздражение и опаска. Скорее в недоумении и испуге он в точности нарисовал внешность Артамонова, явившегося к нему под своим именем и описавшего искомую вещь. Художник, находившийся в каком-то слепом отчаянии, требовал если не отдать ему оригинал, то хотя бы показать его. Муравьёв ответил ему, что не понимает, о чём тот толкует. Что, по его признанию, в точности соответствовало истине, ибо глубинная сущность искомого ему неведома и донныне. Как бы походя, он, явно заинтригованный, просил и даже требовал от меня разъяснить, зачем всем этим людям сей предмет, и чего они ищут от него. По счастью, у меня не имелось ответа, иначе мне пришлось бы нещадно лгать.

Моему приниженному самолюбию весьма потрафила бы такая переоценка его великих заслуг, если бы не тревога, обострившаяся до предела: кто же в первый визит к Муравьёву назвался Хлебниковым, если не художник? Три часа в ночи я курил трубку за трубкой и пил дарданелльское вино. Решения не находилось, но когда я попытался посмотреть на задачу не столь пристально, отыскался один возможный выход. Имя ему снова Каир. И не потому, что не давала мне покоя слава счастливого Шампольона. Просто однажды, разложив по кучам купленные мною документы, обнаружил я, что чем древнее отстоят они от моего времени, тем в большей пропорции поступают из Египта.

Итак, кем бы ни оказался первый тот загадочный визитёр, ясно одно: все они гоняются за камнем по свету, ищут, рыщут, убивают и умирают – и только один я, имеющий в руках все ключи, не делаю ничего! Ко всему прочему, мне есть что предложить им, так уж не попроситься ли самому в их общество – стать негодяем сразу, а не в несколько приёмов, к чему, похоже, я приближаюсь?

Всё же, отдавая своё негодяйство хотя бы в отношении Муравьёва и чувствуя себя виноватым перед ним за то, что втянул его в тёмную историю (а кто-нибудь чувствует вину за то, что втянул меня?), я просил прощения и коротко отписал, что все интересующиеся камнем – враги, и не остановятся ни перед чем, чтобы рано или поздно заполучить его. Я долго грыз перо, выдумывая, как бы разъяснить ему, откуда все эти люди могут знать, что он стал невольным почтальоном. Согласясь с Андреем в том, что письма наши могут читаться, я никак не мог подобрать нужных слов: одни выдавали мнимый наш заговор, другие – наши постыдные грехи, третьи – место нахождения скрижали. Посему я сплёл небольшую историю, что раритет сей почитается некоторыми недалёкими антикварами за осколок скрижалей завета, и хоть это смешно для всякого учёного, огромная ценность его определяется слухами, а не истиной.

Я сдул песок и перечитал последнюю приписку. Ничего более глупого я ещё не писал в жизни, однако именно вопиющая несуразность должна подсказать моему другу, что высказать правды я не мог. Недруги же, читая письмо, хотя и не поверят тоже, но придраться им будет не к чему.

2. Серапион

Но ещё кое-что хотелось выяснить мне, прежде чем пуститься в долгие поиски. И цель моя, по счастью, находилась в середине моего пути.

Прохора пришлось снова отрядить в Автомедоны, и к утру повозка с парой добрых рысаков стояла у ворот. С собой я взял лишь самое необходимое. Быстрота – вот чего желал я теперь. Догадки одна ужаснее другой воевали в голове моей, и казалось, что без разговора со Стефаном никак не решиться мне, что делать дальше. Иной раз находила меня мысль, что всё в жизни моей стянулось в этом проклятом узле, что не могу я и шагу ступить без разрешения живого этого вопроса. Можно, можно бы снести и письмом, меланхолично проводя время, покуривая кальян в ожидании ответа, но тут уж я обманывал себя разными причинами. Ехать, только ехать, и притом чем скорее, тем лучше. Хлебников, чувствуя мрачный настрой мой, погонял проворно, пообещав мне к исходу шестого дня достичь Лавры преподобного Саввы.

Итак, сначала Дашков с Воробьёвым. Потом Андрей Муравьёв. Теперь я. Если и Стефан вовлечён в нашу странную неведомую цепь, то мне останется только задаваться вопросом: где начало и конец ей? Широкие плечи Прохора маячили передо мной скрытым намёком. Словно бы возражая моим сомнениям, он раз повернулся: «А и хороши турецкие шлейки! Куда легче и удобней наших хомутов». Но ведь не могу же я проверить всех неименитых и не оставивших заметок персон, кто служит, воюет и путешествует по Востоку, не могу гоняться за каждым поклонником, прошедшим путь сей и только ещё готовящим себя к нему!

В Иерусалиме мы не задержались, и, переночевав на патриаршем подворье, покинули город через Яфские ворота и поворотив сейчас же налево, к нижнему Гигонскому водоёму. Дорога шла параллельно стен Иерусалима, постепенно понижаясь, оставляя справа гору Злого Сопения. В потерянных чувствах миновал я сады Соломона, тысячелетнее древо пророка Исаяи, Кедронским потоком достигнув ущелья, по краям которого бедуины пасли свои стада коз. По мере того, как монастырь приближался, внутренний голос мой открывал и иную правду: нуждался я в духовном совете и просвещении. Столько уж времени носило меня по Святой Земле, куда безнадежно мечтают перенестись миллионы божьих тварей – и так и не обрёл я истинной цели. А паче того, утратил и тот душевный восторг, которым движим был на пути к Иерусалиму. Что же взамен? Пуды каменных таблиц и несметный ворох эпистол, по большей части оказавшихся торговыми отчётами и долговыми расписками средневековых купцов? То ли это, ради чего я трачу лучшие годы жизни в местах, первейших всех в мире?

По пересохшему дну мы приблизились к обители, построенной уступами на ужасной крутизне, и поднялись вверх, содрогаюсь невольно при каждом повороте. Всё здание обнесено высокими стенами, и больше имеет вид укрепленного замка, нежели убежища для мирных иноков. На самой вершине две четвероугольные башни служат монахам подзорными каланчами. Тут вспомнил я слова Даниила игумена: дивно несказанно, кельи приклеены к скалам, как звёзды к небесам – и действительно, дивно и чудно: над обрывом скалистым Кедрского потока, обнесённые стеной, лепятся одна келья к другой, две башни, одна, Юстиниана, составляет верхний исходящий угол обители, а другая, вне стен, соединялась стеною с Юстиниановой и составляла другой угол.

Прохор ударил в колокольчик, но и без того уже нас заметили с башни, немедленно ворота отворили, и стоило лишь ступить нам под своды врат, как раздался словно бы отовсюду гул большого колокола. Один лишь удар породил долгий раскат отражавшихся от всех стен звуков, которые будто бы понеслись в ворота, где замерли мы, благоговейно им внимая.

Искать друга не пришлось: простирая объятия, уже летела навстречу мне его фигура в длинных облачениях, едва касаясь земли. Статью, осанкой и особенно взглядом – прямым и лучистым, он выделялся из всей братии, более напоминая настоятеля или архиерея.

– Не Стефан уж, – предвосхитил он мой вопрос, когда облобызались мы трижды. – Ноября двадцать первого числа, того памятного тридцатого года, – поведал он мне степенно, – свершилось второе моё рождение. Многогрешный, принял аз от руки митрополита Мисаила пострижение во иноческий чин и имя Серапиона, монаха патриаршего сего монастыря, так-то вот, Алексей Петрович.

– Простите... я догадывался, но не знал наверное. А письмами беспокоить не стал.

Куда-то отступили тревоги мои, и захотелось мне провести здесь не один день. Спешил, мчал, ожидая встречи нетерпеливо, чтобы с порога выплеснуть свои заботы, чтобы настойчиво требовать ответа, а теперь вот приехал и радовался простому и забытому явлению.

– Ну, пойдёмте, – пригласил он, – отрясём прах дорожный, покажу вам обитель. Вовремя вы приехали, аккурат к всеночной.

Боже, как же угораздило меня запамятовать о Крестовоздвижении! Но сознаваться уж стыдился, хоть душа и устремилась вознести молитву. Шли мы по тропинке мимо олив, чем-то напоминавших ивы, провисшие под тяжестью наливавшихся плодов. Двор наполняла радостная суета. Там и здесь сновали поклонники. Монахи суетились, подводя тали с лесов. А друг мой, которого мысленно именовал я ещё именем земным, продолжал:

– Вот, каков ныне праздник Воздвижения Креста. Не только одной памятью об эпохе Константина, но и сегодняшним действием. Воздвигаем кресты сами на храмы, как первые христиане после гонений. Скажете, пустое, символ? Ну и император Александр символами не брезговал, умышленно заключая в Ахене союз в день сей, подчёркивая, что интересы Европы скрещиваются на Гробе Господнем. Первый колокол откопали намедни, да подвесили. Он лет триста в земле пролежал. Еле нашли. Вовремя, вы, в самый раз прибыли. Зря только, что не сообщили заранее, я бы вам кельи устроил, а теперь придётся вам, Алексей Петрович, у меня на тюфяке ночевать. Да у меня комнатка славная, просторная для двоих, так что не потесните. И товарищу вашему подыщем местечко. Поклонников много нынче прибыло, а к ночи и того больше ждём. Как за Мегеметом Али Сирию утвердили, Ибрагим-паша закон издал о великой терпимости в вере. А как поборов меньше стало, так и деньги на ремонт нашлись. А то раньше знаете, чем они тут жили? Оливками да хлебом, на праздники финики – вот и вся пища. Монахов довели до крайности. Монастырь одних официальных поборов тысячу кошельков в год платил за право владения святыми местами, а это на рубли круглым счётом составляет сто тысяч серебром, а ещё дамасскому паше, иерусалимскому мулле, семействам местных вымогателей, мусселимам, катибам, членам мехкеме – всего выходило до полутора тысяч кошельков добавочно. Чтобы окно починить – ещё тысяч двадцать пиастров отдай судилищу. Ну, и пени по всякому удобному случаю. Но Ибрагим-паша руки обещал рубить грабителям святынь и паломников, и отрубил две-три самых непонятливых. Они, вишь ты, следовали запрету не брать из рук поклонников денег в горах Иудейских, заставляли сперва на землю кидать, так он им и объяснил, как широко надо толковать новые законы. Зато погляди, какая благодать настаёт!

И верно. Множество камня и строительного леса повсюду, грудями возвышавшегося у стен, являли собой свежие следы больших работ. Но если об остальном я слышал отдалённо уже не раз, то по поводу дозволения крестов имелись у меня сомнения. Знал я, что во всей Святой Земле одному лишь монастырю Архангела Михаила дозволялось гордо нести нашу святыню и символ, ибо защищал его сам Архистратиг. Серапион и в самом деле подтвердил, что разрешений такого рода не поступало вовсе, но всё же решили сами постановить делать по сему плану – и будь что будет.

Он провёл меня в просторную светлую келью, откуда решили мы позже выйти на волю. Некий послушник принёс нам под раскидистую смоковницу маслин и кофе, а мне ещё и водки. Мы вспомнили наши разговоры на пути сюда, и я поблагодарил его за многое, что высказывал

он – и отвергавшееся мною в пылу юношеского задора, но нашедшего после в моих неторопливых рассуждениях подтверждение.

– Помните вы разговор наш на корабле? – спросил я, не зная, с чего начать.

– За пустым бокалом вина? – поднял брови он. – Я счастлив, что он оставил вам след.

– Не просто след – глубокую борозду на сердце и в разуме! – с горячностью воскликнул я. – Вы упрекнули меня в том, что я сам не знаю, чего ради еду на Восток. Вы оказались правы, конечно, и я благодарен вам за попытку открыть мне глаза, кои стал продирать я только теперь. Я получил своё предложение неожиданно, и необдуманно согласился. Тогда мне казалось, что стоит лишь заполучить поприще, а дело найдётся. И вот давно пошёл третий год, а я по-прежнему путаю работу с делом. Совершил не одно открытие, написал две дюжины статей, они напечатаны в Петербурге и Берлине, и должным образом отмечены, но я-то вижу, что всё впустую, как холостые выстрелы. И вино, добытое с таким трудом, льётся теперь в пустоту окна, бессмысленно удобряя почву для неведомых сорняков.

– Или полезных ростков, не замечаемых вами пока. Позвольте, моё мнение. Вам следует искать то, о чём давно не было новостей.

– С каких же пор?

– Например, с потопа.

– Но я вовсе не желаю это искать, – насторожился я.

– Дело не в вашем желании. Вы ищите не потому, что хотите. Путь ваш не случаен, насколько могу судить я, наблюдая со стороны. Да, Алексей, я слежу за вами по мере скромных возможностей, ведь сюда приезжает множество людей, приносящих немало вестей. Некоторые успехи, равно и неудачи ваши, мне ведомы. Увы, я не в силах помочь вам в подробностях, кто и как направляет путь ваш, но для постижения главного не нужны детали.

Я спросил, не знаком ли он, часом, с полковником Ермолаевым, и получил ответ, что обстоятельства их знакомства ему вспоминать неприятно, ибо Павел Сергеевич вёл расследование против тайных обществ, а он в ту пору шёл по ложному пути, в котором упорствовал и держал немало зла на него. Я предположил: раз Серапион повторяет кое-какие ермолаевские мысли, то неприязнь должна бы уже отойти в прошлое, и он вполне подтвердил своё раскаяние, но также и незаглаженность стыда. Тёплой улыбкой озарилось его лицо, когда предположил он в свой черёд, что не из благодарности к нему проделал я сюда путь.

– Это так, – вздохнул я. – И даже не из-за праздника или поклонения святыне, хотя счастлив совпадению. Я не мог доверить своих мыслей и письму. Не из нетерпения ожидания только, нет! – Тут я замолчал. Не хотелось говорить ему, что в столь щекотливом вопросе любая его интонация и жест могут решить дело. Но, дабы не смущать его, я прервался, а чашка с кофе оказалась спасением. – Преклоняясь в душе перед вашим нынешним подвигом, я не смею требовать от вас откровения со мной, но...

Уголки губ его чуть поникли на слове об откровении, но он подбодрил меня:

– Продолжайте, будьте лишь искренни.

– Вы ведь следите за моим путём неспроста – он некоторым непостижимым образом соприкасается с вашим. Это поняли вы давно, я же только недавно, потому и заявился к вам.

Я с жаром поведал о своих подозрениях. Некто неведомый, то самое третье лицо или целая когорта лиц, стоящих весьма высоко и могущих оказывать влияние даже на решения императора, желают заполучить нечто очень для них ценное. Я не знаю достоверно, что это собой представляет и имеет ли к конечному счёту характер материальный. Но, в отличие от меня, не ведающего ни контура, ни формы своего сосуда, они точно знают, для чего собирают собственную коллекцию. Это имеет такую степень секретности, что организаторы не могут доверить сбор сведений кому-то одному, предпочитая действовать тоньше. Это облечено такими трудностями, что время в известном смысле также не имеет значения. Некоторые люди получали такие задания здесь, в сирийских пределах, а исполнив их, они приобрели положе-

ние, несоизмеримое с их прежним. Дашков стал министром юстиции, Воробьёв – кавалером и профессором, ровесник мой Андрей Муравьёв ожидает высочайшего указа занять видное место среди светских чинов в Святейшем Синоде и метит, кажется, в обер-прокуроры.

– Скажу более: меня самого настигло странное поручение в Бейруте, которое, признаюсь не сразу, но привело меня в смятение в свете имеющихся у меня подозрений. Представьте, пришло письмо из Общества, составленное так ловко, словно писал его дипломат или... иллюминат. И те и другие умело скрывают твёрдо желаемое за патокой намёков. Его невозможно определить как предписание, приказ или распоряжение, скорее оно напоминает уведомление, но нечто неуловимое содержит оно в своём тоне, что требует к тем словам особенного внимания, если не безусловного подчинения. Я до последнего времени игнорировал его. И по сию пору не знаю, как мне поступить. Подозревал я, что посланное многим неведомым адресатам сразу, оказалось оно исполнено кем-то из них и утратило цель. Но совсем недавно узнал я, что это не так – мне пришло повторное и весьма угрожающее письмо, хотя и невинное с виду. А теперь я должен спросить то, ради чего приехал к вам. Помимо той записки к Воронцову, получили вы какое-то ещё задание? Нет, не в России, а позднее, уже здесь, возможно, по окончании паломничества? Погодите, – я показал ладонями, чтобы он не перебивал меня, – я не требую у вас предательства или выдачи тайны. Мне не нужна суть поручения. Я не глуп и понимаю, что приказания известного рода не предназначены для обсуждения на людях, но умоляю, скажите лишь одно: да или нет? Почему я подумал на вас? Все эти люди имеют творческий склад, обладают фантазией, мыслят не одними уставами. Вы – из их числа. Да к тому же... вы получили аудиенцию у императора, дозволение ехать в земли врага, стать монахом в самой важной обители этой вотчины, вас свели с патриархом Иерусалимским, и сам митрополит благословил вас... неужели я могу поверить, что такое случайно?

Я ожидал любого ответа.

– Я получал, – спокойно ответил Серапион. – Не приказ, но просьбу оказать содействие. Удовлетворяет вас такой мой расплывчатый ответ?

– Увы, вполне, – с тяжёлым сердцем отвечал я. – Не смею выпытывать, от кого исходила та просьба... – Он лишь едва кивнул, – но скажите, отыскали вы, что от вас требовали?

– Смею думать, что отыскал, – заверил он. – Это потребовало от меня некоторых усилий, но не чрезмерных. Действительно, знакомство с его Высокопреосвященством способствовало тому.

Я молчал, желая продолжения, но он держал уста затворёнными. Всё же я не сдержался.

– Да. Всё так. И последнее, позвольте! Это ваше... задание, ведь вы сами как-то связываете его с моей миссией? Хотя бы в широком смысле, если вы понимаете, о чём я...

Серапион встал, нахмурившись. Ответа мне не требовалось, но когда я поклонился ему и отправился к дверям храма, куда уже стекались монахи и поклонники, меня нагнал его голос:

– Да. Оно связано. Простите и меня, но знайте, что когда мы беседовали на корабле, я не обманывал вас. Хотя уже ко дню отплытия знал, что могу получить своё поручение позднее. Даже ждал его. Это и случилось, так что мне не пришлось лукавить с вами, а лишь молчать, избегая предмета. Хотите ещё? Это имело отношение к – *сведениям*, кои любимы вами. Сведениям, хранимым здесь, в Лавре.

– Потому вы и покинули Иерусалим?

Я чуть повернул к нему голову и кивнул в знак благодарности, видя, как он десницей крестит меня в спину.

– Не удивляет вас, что Московское Общество Древностей Российских, интересующееся, как следует из самого названия, документами, касающимися истории русской, отправило вас в края, столь отдалённые от России?

– Отчего же? История российская неотделима с некоторых пор от истории Византии.

– А не казалось ли вам, что вы должны служить здесь и другим целям, тайным или явным?

Я замешкался с ответом. Он отправился служить с монахами, а мой ум последующие три часа отвлекался от молитвы добрым десятком посторонних мыслей.

Завтрашней ночью, как за два года до того, в Мегиддо, сидели мы над обрывом, вспоминая прежние беседы.

– Мы не кончили одного важного разговора, прерванного тогда, под исчезающей Луной, появлением разбойников. После уж и вовсе вы свели всё к шутке.

– Вы сказали, что ищите доказательств, а я, не имея оных – веры, – чуть рассмеялся он.

– А вы ответили, что у меня могут находиться доказательства одной вашей гипотезы о мировых идеях. Итак, что это?

– Что ж, вы имели все основания осерчать на меня. И имеете ещё раз, ибо мне нужно подвести вас к дальнейшей мысли, дабы вы не отвергли её с порога, как гипотезу Прозоровского. Моя вера казалась вам недостаточно обоснованной, поскольку её нельзя проверить. Но попробуем испытать вашу. И пусть небеса рассудят нас. – Он захихикал и поднял руки вверх, где покрытый ковром мерцающих блёсток купол проливал на нас тихий свет. – Убеждены ли вы, что Земля обращается вокруг Солнца?

– Убеждён, – ответил я, спешно пытаясь предвосхитить его подвох.

– Я утверждаю, что ваше знание покоится на зыбкой почве веры – и ни на чём более. Ведь по сей день нет прямого доказательства движения нашей планеты.

– Пожалуй, одно всё-таки есть, – возразил я не слишком убеждённо, ибо эта область науки не являлась мне родной. – Смещение угла падения лучей звёзд. Главного же доказательства, требуемого ещё Птолемеем – смещения самих звёзд, ещё не найдено. Впрочем, косвенных доказательств предостаточно, а при отсутствии прямых и они могут...

– Славно, – потёр он руки. – Другие образованные люди не знают и того. Таким образом, вера ваша имеет своё священное писание, полное нумерованных стихов. Есть и одно прямое доказательство. Но вот беда: сами вы не повторяли сего тонкого астрономического опыта, и возьмусь утверждать, что за сто лет повторивших его можно пересчитать по пальцам двух рук. И на основании одного лишь единственного факта вы уверовали в целую картину мироздания!

Я рассмеялся, ответив, что теперь знаю, к чему он клонит, мол, доказательств библейских истин существует гораздо больше, а сонмы медиумов общаются с ангелами и духами ежедневно, не в пример астрономам, ожидающим своей очереди у телескопа. На что ответил он, что и в этом я заблуждаюсь, ибо говорить он желает о другом.

– Вы находите наше сословие чересчур поспешным? – попытался я ещё раз. – Да, законы небесной механики – лишь теория, но после их обретения ни у кого из учёных не осталось сомнений в истинности гелиоцентрической системы – столь точные предсказания они давали... астрологам. Но как эмпирик, я вынужден согласиться: мы ещё ждём открытия параллакса звёзд, бесспорно доказывающих движение нашей планеты в кругу ей подобных.

– Я не это имею сказать, – мягко повторил он, чем окончательно привёл меня в замешательство, ибо я исчерпал свой резерв предположений. – Ничтожный и никчёмный факт обращения Земли вокруг Солнца, благодаря зубрильным усилиям просветителей приобрёл сакральную значимость в умах людей – не меньшую, чем некогда земная твердь. Хотя никому, кроме учёных, не нужен – им бы одним и обсуждать его. Выбрали же его для просвещения глупых дворян только потому, что он опровергает Писание нагляднее множества других. Между тем доказательство сего факта неведомо почти никому, а чтобы повторить его, нужно иметь во лбу не менее восьми пядей. Прошло двести лет после Коперника, прежде чем появилось первое подтверждение движения Земли, и минуло уже почти триста, а о втором и не слышно.

– Скорее это говорит о скудном уме некоторых богословов, пытающихся трактовать Библию подобно иудеям, изучающим каждую букву Торы.

– Скорее это говорит об остром и весьма лицемерном уме просветителей. Согласитесь, если тот богослов глуп, в чём я не сомневаюсь, то почему же за ним повторяют лучшие умы? Первые говорят, что раз гипотеза противоречит Писанию, то она ложна, вторые, утверждая, раз гипотеза доказана, то ложно Писание.

– Я не вижу в том опровержения Писанию, – рассмеялся я, но Серапион остался серьёзен.

– Вы не видите, потому что разум ваш критичен и самостоятелен, хотя единственному опыту, доказывающему движение Земли, вы поверили без проверки. Но другие люди даже и не таковы, им достаточно чужого мнения, особенно всяких ниспровергателей. Опасаться надо не тех, кто ищет, а тех, кто объясняет находки к ниспровержению Бога, хотя их можно причислить к проявлениям премудрости Господней. Помните бедуинов Мегиддо? Что случилось бы со всеми нами, возьмись вы объяснять им учение Коперника или хотя бы Птолемея, ибо и его расчётов вам вполне бы хватило?

– Я, выходит, обманул их, – вздохнул я.

– Нет, – отверг он с решительной убеждённой. – Вы сообщили им высшую, религиозную истину, минуя все научные расчёты, ибо такие совпадения находятся всегда в руках Провидения. Религия – добрая магия, и принадлежит потомкам Сифа, наука – магия злая, она в услужении наследников Каина. Здесь совпали не земная тень с Луной только, а ещё и наше злосудие. Наша задача – узреть проявления высшего замысла и соответствовать ему. Я верю ему без сомнений.

– С этим последним я не спору, но я не разделяю ваших опасений касательно нашей науки, скорее уж вы должны опасаться учений иллюминатов.

– Наука, какое бы открытие отныне ни совершала, всегда будет в руках бесчестных философов, чьей целью отпадение людей от Творца. Простецов, которых будет захватывать Просвещение, станут учить, что наука, а не Бог, дарит им истинные блага. Но один только вопрос будет замалчиваться, ибо есть сфера, которая никогда не будет подвластна науке – мысли и духа.

– Что же я могу сделать? Мои интересы иные.

– Не предавать эту сферу забвению. И поразмыслите на досуге, зачем нужна наука, если есть манна небесная?

Мы помолчали, и я видел, как три или четыре раза метеоры, словно шарики прокатились по небу, прежде чем мы продолжили.

– Сделав со мной круг, вы привели меня к тому же месту. Итак, неужели у меня есть доказательство, как идеи становятся материей?

– Ваш камень, отправленный Бларамбергу, решился бы я назвать в числе доказательств.

– Вам доводилось встречать такие?

– Нет, но доводилось слышать о них.

– От кого? – Я осёкся, ибо не имел никакого права на подобные расспросы, получив уже более ожидаемого. – Прошу меня простить, но я все эти месяцы только и сталкиваюсь с людьми, которые знают о чём-то, и об этом молчат, иногда лишь косвенно выдавая себя.

– Не думайте, что сталкиваетесь вы с этими людьми волею слепого случая, – предостерёг он, – думается мне, что посланцами вашими так задумано, чтобы вошли вы, сами того не ведая, в узкий круг их. Сообщать вам даже малейшую суть дела – хлопотно и ненадёжно. Большинство из оказавшихся в положении вашем исполнили свой труд безо всяких подозрений, или без выказывания этих подозрений. Посему вам и кажется, что вы толкаетесь сплошь среди членов тайных орденов. Представьте, что вам сказали про заседание в Сенате, а вместо того привезли на бал. То-то вы удивитесь обилию кружащихся дам.

– Я что же, по чьей-то милости угодил в осиное гнездо? Но – и вы тоже!

– Увы, я один из тех, кто его вил, – вздохнул Серапион. – Думаете, государь доверил пакет для графа Воронцова первому встречному?

– Признаюсь, вы для меня всегда представляли загадку, – произнёс я, холодея от порыва ветра или от неожиданного движения приоткрывающейся завесы, скрывающей неведомое, но пришлось мне выкурить не менее половины трубки, прежде чем он продолжил:

– Разумеется, я входил в некоторые высокие круги. Через тайное общество, конечно, в котором поначалу сам князь Голицын состоял у меня в подмастерьях. Близко знался я и с духовными: я, как догадались вы, принадлежу к этому сословию, и весь наш род, насколько мы помним, служил церкви. Но однажды ученик обогнал учителя. В ордене мы имеем свою табель о рангах, но в миру обязаны соблюдать иной статус. Это создаёт трудности, которыми и воспользовался князь, чтобы возвыситься надо мной – да и не только. Видно, наставником я оказался скверным. Впрочем, тому виной и опала моего покровителя, с которым состоим в некотором родстве – Сперанским.

– Вот как! – не сдержал я возгласа, прозвучавшего в ночной тиши так, что сам я испугался.

– Мы соавторствовали в проекте реформирования церкви нашей на масонский лад. Помогал нам и Новиков. Первым шагом было вовлечь священников в ложи, притом не всех, а самых способных, коих требовалось отбирать ещё в семинариях. Я, увы, стал в том примером для многих. Голицын же, как министр, провёл реформу духовных училищ, а Сперанский нашёл источник средств для них – свечной сбор. Так деньги из свечных ящиков потекли на обучение новых масонов.

– Слышал я, что Голицына вовлёл в среду мистиков Кошелёв? Как и прежнего государя.

– Император Александр Павлович боялся атеизма, видя в нём главную угрозу порядку. Позднее, со смертью Кошелёва, пришло осознание бездны, в которую его затягивали бесчисленные масоны, иезуиты, мартинисты и иллюминаты. Он пытался бороться с порождениями своего главного страха, но дело сие опасно. Впрочем, сейчас важно другое. Ведь мы рассматриваем не вполне обычное братство, а совершенно особенное, укоренённое во тьме времён. Князь Голицын ввёл государя в заблуждение, уничтожая один за другим тайные ордена – ради сохранения единственного. На который и донести стало некому. Впрочем, я убеждён, что и сам он оказался обманут кем-то из высших иерофантов. Хотя, обман – неверное слово. Они, кажется, позволяли ему играть свою игру, пестуя его самолюбие. Кошелёв и я посвятили Голицына, а нас некогда посвятил адмирал Плещеев... Так вот, знайте же, что розыск книг идёт по меньшей мере со времён Елизаветы Петровны, но это лишь то, что известно мне. На деле же поиски несут на себе отпечаток много более древний. Плещеев же, плавая в Архипелаге под командованием Алексея Орлова, имел задание отыскать некоторые рукописи – их названий не спрашивайте, ибо я в них не сведущ. Он исправно выполнил долг, а после оставил воспоминания, где тщательно скрыл свою роль за множеством второстепенных событий.

– Что советуете вы мне – исполнить поручение или пренебречь им? – снова неосторожно воскликнул я, и эхо повторило два мои последних слова. – И если пренебречь, то как – открыто или сославшись на невозможность его исполнения?

– Этот совет я не могу дать вам, ибо наши пути разошлись, вы остаётесь в миру, я шествую по пути духа. Чем рискуете вы, мне доподлинно неведомо, хотя я прозреваю страшные последствия.

– Сами вы всё же исполнили наказ, и лишь после порвали ваши тягостные тенеты.

– Вы неверно поняли меня, Алексей, я лишь сказал, что, кажется, нашёл искомое, но не сказал, что исполнил поручение.

– Как же так? Неужели сила тайного ордена слабеет, и вы отказали им?

– Отнюдь. Могущество их растёт. Хоть я и покинул их, – он горько усмехнулся. – И оно определяется не только саном и градусом.

– Но как вы сами могли порвать с ними? Вы тут точно в клетке, вас могут найти и отомстить.

– Мною владеет свобода, высшая жизни.

– Я понимаю, но стоит ли ставить жизнь на карту?

– Если бы вы понимали, то не беспокоились бы обо мне. О моей судьбе заботятся силы, коим я вверил её, и они превыше земных. Я чувствую их.

«Хотел бы я ощутить того же», – то ли подумал, то ли пробормотал я.

Я до некоторой поры испытывал неловкость, разговаривая с этим человеком – от того, что его, находящегося уже далеко от мира сего, я пытался затянуть в свой полный искушений круг. Однако когда он сознался, что сам строил эту западню, я поменял свои чувства на какую-то смесь презрения и уважения. До утра оставалось немного. Я попросился спать и дал себе слово не напоминать ему о своём вопросе, от кого слышал он про таинственные камни, и по какой причине не желает говорить о них, как о доказательстве некой гипотезы, а он, кажется, всю оставшуюся ночь так и провёл в молитве.

Я не сознался ему в одном: что еду в Каир не только разгадывать тайну для семьи Прозоровских, но и чтобы исполнить задание и отыскать следы рукописи, порученной мне. Ненависть к заказчику граничила с убеждением в его благодарности – мне нужна была карьера, чтобы жениться на той, о ком помышлял я почти беспрестанно. Что больше поможет мне – первое или второе – я не знал, но желал обрести оба козыря, прежде чем ставить куш. Прозоровский и Голицын, два Александра Николаевича – А. Н. и А. Н. – анаграмма Анны. Я учился своей каббале.

Уехал я не попрощавшись, оставив краткую записку, не зная, обижаться мне на него и после простить, или не прощать потому, что и не обижаться, дав себе слово навестить его ещё раз на обратном пути. Тогда скорый путь обратно не вызывал у меня сомнения.

3. Карно

Из Палестины по пустыне Каменной Аравии достигли мы Синайской горы, откуда через Суэйзский перешеек прибыли в Дамьят, после же Розетский рукав привёл нас в порт многолюдного Каира. На рассвете последнего дня показались пирамиды, как два синие холма на горизонте степей. Сильно потряс душу вид сих дивных гробниц, древней славы Египта, наполняющих его и вселенную громким своим именем, как неодолимый магнит, привлекающий столько любопытных. Дагабия наша мерно проплыла мимо Шубры, красивого загородного дворца Мегемета Али, и в десять часов утра пристала к Булаку, возле гарема Ибрагима-паши. «Саламе!» – воскликнули мои арабы, и я радостно принял их привет.

Роскошь незнакомых произрастений, нега воздуха услаждали чувства и очаровывали взор. Сад пальм, сикоморов, лавров и акаций, из-за которых мелькали и высились стройные минареты Каира, привёл нас нечувствительно к его стенам. Через массивные ворота я въехал в столицу Востока на обширную площадь Эзбекие; тут была главная квартира Бонапартовской армии. Длинные ряды навьюченных верблюдов и ослов, нагруженных мешками с водою Нила, часто пересекали нам дорогу. Так же как акробаты и канатоходцы, эти люди являются наследниками древних профессий египтян. Ещё в средние века здесь была распространена дрессировка обезьян, коз, собак и других животных. Как и в прежние времена, сидят всякого рода ремесленники по обеим сторонам тесных базаров, каждый в своей открытой лавке, от зари до зари занятые работой, не обращая внимания на мимо текущую толпу до такой степени многолюдную, что в иных местах невозможно пробиться; ибо 300000 жителей волнуются по узким торжищам Каира. Мы проехали мимо самого дома, который был занят великим полководцем, и где после погиб Клебер. Во время разлива Нила вся площадь превращается в обширное озеро, в которое глядятся дома и мечети, и по которому беспрестанно скользят лодки. Тут разместились и мы на самое первое время.

Богатство зданий вкупе с цветением и ароматами растений, особенно после пустыни Александрии, говорило о том, что не Константинополь с его сложной пропорцией европейского и азиатского, и не Дамаск в его самодовольной замкнутости, а Каир есть настоящая столица Востока.

В Джизе два долгих дня созерцал я среди песков мрачный лик обезображенного Сфинкса, и поднялся на вершину грандиознейшего из творений рук человеческих. Как возможно стало создать такое сооружение, сколько каменных блоков надо взгромоздить один на другой, размышлял я без усталости, и думы мои неизменно металась через Баальбек к обширному кладбищу исполинов на просторах Арачинских топей. Невозможно объяснить всех обстоятельств гибели гигантов. Невозможно – если не принять на веру страшную гипотезу Прозоровского, но тогда при одной мысли об ужасных победителях, запечатавших навек следы истребления, у меня начинали шевелиться волосы.

Я опрометчиво посчитал адресом то, что оставил мне Андрей Муравьёв, ибо Каир – не Петербург, без толку искать там на угловых домах жестяные таблички с названиями улиц на двух языках, и никакой околоточный не подскажет вам нужного номера. Начиная поиск от площади Эзбекие, раз за разом вступал я в лабиринт узких улиц. Дома, как бы наклоняясь с обеих сторон решетчатыми балконами, казалось, всё более сдвигались. Едва три лошади могли проходить рядом; когда же встречался чудовищный верблюд, медленно шагающий со своим грузом, то всё перед ним преклонялось, и по его гордой и ничем непоколебимой осанке виделось, что он принимает эти поклонения в дань себе. Толпа увеличивалась постепенно; чалмоносцы на богато убранных ослах или закутанные чёрными и белыми покрывалами женщины, беспрестанно мелькали мимо меня в глубоком молчании, среди беспрестанных возгласов бегущих возле них босиком провожатых. В такой толкотне, пробираясь сквозь бесчисленные ворота,

или, лучше сказать, двери, замыкающие каждую улицу и растворяемые своими швейцарами, прибыл я как-то к воротам консульского дома. Усталость едва не сыграла со мной злую шутку, ведь в планы мои покуда не входили встречи с другими европейцами. Я отвёл уже было руку с бронзовым молотком, дабы с облегчением постучать в дверь консульства, словно во врата рая, но спохватился и отвернулся – и вовремя: калитка отворилась, некто вышел из неё, остановившись около меня и пытливо взглянул в моё лицо.

Бесцельно проблуждав в пыльной сутолоке великого града четыре последующих дня и пресытившись вполне его ни с чем не сравнимой суетой, я пал духом и опустил руки. Отчасти лишь поклонение святым местам, по которым ступало Святое семейство, скрашивало моё отчаяние, куда же отлучался Прохор, я и вовсе не знал.

Я чувствовал себя глупцом. Не беря в расчёт подозрительного отклика Беранже, надежда на Карно зиждилась лишь на беглом мнении о его способностях Андрея Муравьёва, – и никаких достоверных оснований полагаться на таинственного француза я не имел. Я не знал даже, каким способом они нашли друг друга, и по какому вопросу сносились. Знай я хотя бы это, легче было бы наводить справки, не поминая имён. Я же имел самые скудные сведения, и не держал никакого плана на случай, если не смогу сразу его разыскать. Ни арабы, ни копты, разумеется, ничего не ведали, а все их указания на франков, изучающих здешние древности, приводили меня к бесчисленным толпам учёных и праздных англичан, немцев и австрийцев. Я долго размышлял, могу ли привлечь к поискам нашего драгомана Лавизона, но мысль сию пришлось оставить не столько по его личной принадлежности к французскому флагу, сколько по известной всему Средиземноморью болтливости.

Всё, что оставалось мне – организовать контору по приёму и оценке древностей, и заняться прямым своим научным интересом – без охоты, но имея возможность продолжать поиски нужного мне человека. Оставалось лишь выбрать место, где поселиться. Конечно дело такое не мог я осуществить без соизволения правителя Египта, а спешить к Мегемету Али не имел охоты, ибо, окружённый доверенными европейцами, он вольно или невольно открыл бы им моё пребывание.

Казалось мне, что я уже всё решил, когда одним утром Прохор проболтался о Фустате, где по случаю сторговал какую-то утварь. Не помню, о чём путанно говорил он – о посуде или об упряжи, только меня словно озарило. Имея указание на старый Каир, искал я жилище Карно ближе к цитадели, полагая древность построения поселения сего сродни нашим городищам. Но Африка мыслила иначе; и ныне предместье, Фустат оставался теперь последней моей надеждой – некогда средневековая столица Египта, безжалостно сожжённая по приказу халифа в виду крестоносных армий Амори Иерусалимского и возрождённая Саладином, и теперь ещё часто нарекалась Старым Каиром.

Когда мы покидали уже Джизу, нас удивила суета вокруг.

– Грядёт пыльная буря, – встревожено доложил араб-проводник. – Ехать нельзя.

Мы с Прохором переглянулись, словно вопрошая друг друга, какого Ведуна готовит нам судьба на сей раз – и, ничего не ответив, продолжили сборы.

Уже почти достигли мы цели, проехав две версты по садам, занявшим почти весь промежуток между этими городами и питавшим помыслы о защите, и когда переезжали высокий каменный, утверждённый наподобие моста канал, пески восстали не на шутку; араб, оказавшись в стороне всего на три сажени, куда-то исчез без следа, словно тщедушие его только и ждало повода рассыпаться в летящем песке, прихватив как память часть наших пожитков, а мы, ведомые более чем ведущие чутьём наших верблюдов, выбрались, наконец, к самой окраине искомого селения. Тьма поглотила собой всё вокруг – я и думать не мог, что окажусь в ночи, где едва смогу дышать, завернув лицо одеждой. Страх задохнуться и быть погребённым толкал меня вперёд, вой и свист мешали слышать сдавленные вопли невидимых моих спутников, мне казалось, что чьи-то локти толкают меня, а плечи помогают держать направление, что

в своём движении наталкиваюсь и сам я на чужих людей и животных, как и мы, застигнутых бурей – впрочем, то могло быть лишь иллюзией. Не менее получаса то сгибаясь, то ползком двигались мы в совершенно неизвестном направлении, только бы достигнуть чего-то, что ещё недавно созерцали как предместье. Под какой-то стеной, укрывшей нас от стихии, мы и остались бы лежать до вечера, если бы Прохор Хлебников не решился перескочить её, и вскоре уже запирали за собой дверь пустого жилища. Некоторое время оба, прислонившись к большому бочонку, наслаждались мы тихим покоем, а после – найденной в нём свежей водой, выдавшей нам временное отсутствие хозяев, о спасении которых я искренне помолился в благодарности за невольное их гостеприимство.

Часа два спустя, когда порывы стихли, и тонкая пыль, превращавшая дом в подобие мутной заводи, немного осела, я с удивлением и жадным интересом рассматривал причудливую обстановку дома, в котором мне посчастливилось очутиться. Трудно было поверить, но по собранию книг и рукописей мне стало понятно, что тот, кого я безуспешно искал – найден.

Никто, кроме маститого учёного, не мог, конечно, иметь столь своеобразного музея, в который я без спроса вторгся. Рукописное собрание выдавало интересы своего владельца лучше множества предметов, древностью соперничавших с Пятикнижием. Редкая библиотека Европы могла похвастать подобными ценностями, и не у всякого коронованного библиофила хватило бы терпения и средств собрать её. Меж тем минуло ещё часа три, а никаких признаков владельца не обнаруживалось, хотя из расположения предметов явствовало, что хозяин покинул свои сокровища совсем недавно.

Буря стихла так же неожиданно, как и собралась, я отправил Прохора рассчитаться за верблюдов, отыскать поклажу и купить какой-нибудь снеди, сам же остался ждать учёного француза. Чувствуя себя слоном в посудной лавке я жадно набрасывался на манускрипты, лежавшие тут повсюду. Я сознавал, что не располагаю избытком времени и могу уже более никогда не оказаться в сём хранилище древних шедевров.

– Эй, кто-нибудь! На помощь! – раздался неожиданный призыв, начавшись с галльского ругательства и продолжившись арабским восклицанием.

Признаюсь, замешкавшись в чтении какой-то рукописи, я всё же оторвался и в несколько скачков взлетел по ступеням, на ходу взводя курки пистолетов, заряженность которых с некоторых пор в путешествиях почитал необходимым и поверял дважды в день. Во дворе некий напряженный местным жителем франк оборонялся одновременно от трёх нападавших.

Он действовал весьма умело своим толстокорым саквояжем, и я невольно залюбовался его лёгкими манёврами, когда он с проворством пантеры проскользнул промежду двух врагов, и теперь пятился, но не от трусости, а лишь имея целью подхватить для обороны массивную трость, из недр которой вдруг выхватил короткий трёхгранный клинок.

Без сомнения почти вдвое старше меня, он двигался так изящно, как только умеют лишь некоторые представители здешних рас. Пока лицо его, окаймлённое тонкими бакенбардами и аккуратной бородкой, холодно обращалось на одного из противников, зрачки цепляли другого, а мысли, полагаю, обращались к третьему. Я невольно задержался на блестящих поверх повязки глазах последнего, которые показались мне знакомыми, и едва не пропустил миг, когда ещё не поздно было вступить в схватку. Выстрел обратил внимание на меня, дав хозяину передышку. Дулом второго пистолета я водил из стороны в сторону, ожидая первого несчастного, кто посмеет сделать выпад и пытаюсь лихорадочно сообразить, что делать с одним зарядом против троих, если союзник мой сбежит. К чести его, выдержав паузу в попытке разобраться в изменившейся диспозиции, он вернулся к сражению. Теперь вдвоём мы легко справились с нападавшими, ретировавшихся с двумя лёгкими ранами, нанесёнными клинком проворного француза и рукояткой моего пистолета, ибо не решился пожертвовать я единственным выстрелом. Покончив с врагами и удовлетворённо проследив взглядом протянувшуюся к ограде цепочку рдевших капель, человек этот развернулся в мою сторону и зашагал, как будто бы

меня не существовало вовсе. Едва не задев меня плечом, он, впрочем, сказал несколько слов, доказав тем, что я для него не призрак.

– Прошу меня простить, но мне надо уходить. Сердечно благодарю вас, господин...

Он произнёс это с усилием, точно его язык преодолевал сопротивление мыслей.

– Рытин. Как, вы меня покидаете? – я попытался заступиться ему дорогу.

– И немедленно. Они не преминут вернуться с подкреплением.

Суховатая жилистая фигура его обогнула меня в стремлении оставить место событий.

– Я тоже жду подмогу, – попробовал остановить я его ещё раз, памятуя о Прохоре, который вот-вот мог возвратиться.

– Вот и славно. Располагайте моим жилищем. Я пришлю носильщиков завтра. Отдайте им... всё. – Он широким шагом вошёл в дом и огляделся, я последовал за ним.

– Я иду с вами, – возразил я.

– Это совершенно незачем, – сухо отрезал он.

На его недоуменный взгляд я объяснил, что раз он боится возвращения своих недругов, так же и мне есть резон опасаться их в одиночестве, поскольку я помог их прогнать. Он только кивнул, и разжёл заранее приготовленный факел.

– Только скорее, – он извлёк из крошечного подпола какой-то сак и ступил на двор.

– Я полагал, что это колодец, – сказал я, видя, как он бросает в жерло верёвку.

– Это и есть колодец, – подтвердил он. – С секретом. Ну, лезьте... Ладно, я пойду.

– Мне нужно дождаться своего... коллегу.

Вместо ответа он проворно скользнул во мрак. «Тогда не смею обременять вас, друг мой», – почудилось мне оттуда. Боясь отпустить его более чем на сажень, я нырнул следом. Не успей я проделать этого, он улизнул бы от меня без труда, ибо даже при свете факела я промчался бы мимо узкого бокового ответвления посередине глубокой норы. Кажется, он разочарованно вздохнул, заслышав в подземном ходе за собой и мои шаги.

– Кто эти люди? – спросил я, нагнав его едва ли не на четвереньках.

– Интересный вопрос от человека, который без спроса залез в мой дом и порылся в моих вещах. Грабители. А вы?

– Чушь несусветная, – бросил я. – Так кто они?

– Сперва обоснуйте вы, – спокойный его голос глухо доносился из-под низких сводов.

– Ожидая грабителей, не снимают дома с потайными ходами. От грабителей не бегают по подземельям. Дали пинка – и живите спокойно. Это раз. Два: грабители – все европейцы со шпагами. Здесь сие невозможно. И три: на меня самого напали раз семь. Оказалось, что они не вполне грабители... господин Карно, – вкрадчиво добавил я.

– Всё верно. Кроме того, что я... Как вы сказали?

– Никто иной, как Карно, разумеется. Обосновать?

– Оставьте. Вы чёртов учёный. На кого же ещё могли нападать семь раз! Не на ювелира же или ростовщика. Вероятно, вы чересчур сжились с ролью кабинетной крысы... вас просто пытались истребить, как опасную тварь. Да, знайте, что *учёный* – не комплимент. Учёный – значит, твердолобый осёл. С вами спорить, что воду в решето лить. Зачем вам Карно?

Форма его вопроса пришлась мне по вкусу, но не успел я усмехнуться, как он ударом сапога вышиб потайную заслонку, и мы очутились в вечернем мареве загаженных задворков.

– Я вас спас, теперь вы у меня в долгу. Говорите правду. – После потёмок я на несколько мгновений прикрыл ладонью глаза, а когда открыл их, то обнаружил у своего горла лезвие ножа. Француз располагался у меня за спиной, готовый пустить его в ход при малейшем моём неверном движении.

– А я – вас, – процедил он, – когда вы опрометчиво израсходовали одну пулю, выстрелив в мои ценные книги. А что, если бы второй дал осечку? Ужас, как неприятно. Впрочем, вы же и навели на меня этих олухов. Вот только теперь остаётся выяснить, с умыслом или без оного.

Я попробовал отодвинуть руку с клинком, но он решительно прижал его к моему горлу, и я вынужден был объясняться, хоть и весьма разгневался от несправедливости происходящего.

– Они искали вас. Волею случая я подоспел на помощь. Иначе почему они атаковали не мою персону, а вашу?

– До вас мне жилось тихо лет, эдак, восемь. Странное совпадение, не правда ли?

– Так тихо, что повсюду рассовали оружие с секретом, мешки с сухарями и масляные факелы. Так кто они?

Он опустил руку, а я выбил нож в порыве мести и приготовился ратовать кулаками. Но он стоял совершенно равнодушно, рассеяв мой пыл.

– Нет, правда, чёрт вас побери. Я неуживчив, но жил спокойно, хотя много лет ожидал их возвращения. Они никогда не оставляют начатого. Раз в два-три года я меняю дома и города. Вы оказались не слишком осторожны. Надеюсь, что только ваша неопытность всему виной. Спрашиваете, кто они? Извольте. Это – мои любимые враги. Ни одного из них я не знаю.

– Ни одного из этих троих – или?..

– Ни одного из вас четверых, – медленно отчеканил он.

Я всё же перечислил ему известные мне имена членов тайного общества, не забыв Артамонова и Карнаухова и спросил, знакомы ли они ему. Разведя руки, он лишь спросил, не один ли это человек?

– Увы, их много, – посетовал я и вспомнил, где в последний раз видел глаза одного из нападавших. Их взгляд принадлежал тому, кто организовал преследование на Босфоре и в котором предполагал я человека Карнаухова или Голуа, или их обоих, если они заодно. Но сказать о том Карно означало бы, что и впрямь его утверждение о моей неосторожности верно.

– Плевать, – подвёл итог он. – У любого из моих врагов имён больше, чем всех названных вами. Так что плюньте и вы.

– Не могу, они желают мне зла.

– Как угодно, – ответил он и, отвернувшись, быстро двинулся прочь. Я догнал его и предупредил, что не для того проделал такой путь, чтобы оставить его в покое.

– Тогда выкладывайте вы! – рявкнул он. – Что вам от меня нужно?

– Сперва тихое местечко, где мы могли бы побеседовать.

– Для меня все места одинаково скверны. А вам – решайте сами. Откуда вы меня знаете, если я о вас ничего не слышал?

Мы выбрались на людную площадь, которую он считал безопасной. В полутёмной кофейне, куда спускалось полтора десятка ступеней и которую я не рискнул бы посетить и с дюжиной бедуинской охраны, в углу, за густой завесой табачного дыма, мы ели пилав и пили шербет. Он разглядывал меня, я его.

– Я пришёл с мирными целями и в интересах науки, – попытался успокоить я его снова, но он исторг из себя взрыв негодующего хохота, который тут же подавил ладонями обеих рук.

– Откуда мне знать, что вы не из их числа, чёрт побери! Разыграли комедию в лицах. Трое против одного, а четвёртый – спаситель, чтобы втереться в доверие. Почему вы стреляли в воздух, а не в... своего приятеля?

– Не хотел осквернять себя убийством, а ваше жилище трупом! – едва сдерживая гнев, воскликнул я. – Как вам такое объяснение? Итак. Мне рекомендовал вас господин Муравьёв. И лишь в качестве лучшего знатока семитских наречий.

Он наискось придвинул ко мне гримасу, состоявшую из прищура и скривлённых губ.

– Андре? Прелестно, – и рожа исчезла за чадом, оставив у моего лица ладонь с вытянутым пальцем и хрипоту голоса. – Он рекомендовал вам меня, но не рекомендовал вас мне. Так что я имею право продолжать не любить вас. Вот ведь! – воскликнул он, и на нас стали коситься личности, с которыми я не желал бы повстречаться один на один даже в приёмной Мегемета Али. – Я оказал Андре услугу, а он отплатил чёрным вероломством.

Услугу? Вот, значит, как! Но я предпочёл оставить эту мысль на время.

– Верно, мой друг не знал о ваших опасениях.

– Вы опять о себе? Вы не в счёт. При чём здесь опасения? Я – лучший не только в семитских языках, но и во многом другом. А он принизил меня. Ладно. Допустим. Дальше.

Я вытащил поддельную копию скрижали, развернул лист, подал ему со светильником.

– Переведите или объясните. Что это?

– Фальшивка, – бросив мимолётный взгляд, отдернул он руку как от скорпиона.

Я вспыхнул:

– Значит, вы знаете, как должно выглядеть настоящее?

– Странен ваш интерес к этому, – он ухмыльнулся столь нагло, что я против воли ощутил к нему какую-то необъяснимую приязнь. Так порой удаётся сдружиться с нахальным торговцем, искусно набивающим цену своим истинным или мнимым раритетам, после особенно горячих споров придя к обоюдному удовлетворению.

– Вот так сразу вы справились с задачей, от которой... – я замолчал. Но он тоже сосредоточенно жевал, не мигая глядя мне в глаза. – Я обнаружил эту надпись там, где её не могло быть ни при каких обстоятельствах.

– Украли или купили краденое. А может статься, кто-то подбросил, чтобы вы обнаружили. Но! – остановил он мой протестующий порыв. – Я не полицейский, а учёный. А все сии методы у нашей гильдии в порядке вещей. Мне попадались такие надписи. Это опасное сообщение. Здесь оно нарочно искажено и бессильно, но я, – он понизил голос до шёпота, – на всякий случай, не желал бы иметь с ним дела. Как и с вами.

– Вас не интересует, откуда оно у меня?

– Ваша фальшивка? Нет! Такой белибердой полнятся старинные магические книги, время от времени похожие каракули встречаются и у разных проходимцев. Жизни не хватит в них разбираться. Ваша подделка весьма оригинальна, изменения там произвольны и невелики, из чего я делаю вывод, что либо внесли их вы сами, либо другой невежа перед тем как всучить вам. Знаток поступил бы... нежнее. Или – продать? – он потупил взор.

– А если я знаю, откуда взялся источник?

– Если я правильно вас толкую, это знание вы желаете сделать предметом торга. Увольте. Раз вы явились, то либо расскажете сами, либо я догадаюсь по косвенным признакам. И это не так трудно, как вам кажется.

Мне пришлось охотно поверить в этом человеку, для которого уличить меня в подлоге отняло не более секунды. Но я не отставал.

– Какие именно признаки...

Он прервал меня:

– В каждом языке есть невозможное сочетание знаков. Или вовсе не присущие ему символы. Чтобы увидеть ошибку, вам достаточно лишь беглого взгляда. Телега с квадратными колёсами выглядит необычно, согласны? Древние языки подчиняются тем же законам.

– Но я смогу прочитать немного искажённый текст без труда. И починить телегу.

– Это если ваша цель – ехать. А если цель каретника состояла в ином? Противодействовать движению? В телеге с парой обычных и парой квадратных колёс – что на что станете вы менять?

– Мне кажется, вы противоречите себе. Исправить положение так легко!

– Просто получите ещё одну обыкновенную телегу. Нужна вам она? Тут другое. Осмысленного текста в вашем послании нет. Нет сообщения. Я бы мог, кажется, его исправить. Но делать этого не стану.

– Хорошо, пусть. Что же это?

– Это некий побудительный мотив.

– Объясните!

– Ну-у... я могу только предполагать, а уж вы берите на веру или нет.

– Проклятие? – выдохнул я в нетерпении, и выдал себя.

– Ну вот, вы с кем-то советовались. Могу себе представить, – хохотнул он, довольный тем, что вынудил меня проговориться первым.

– В Дамаске, – сознался я, ибо ничего другого теперь мне не оставалось. – С одним иудеем. А до того с одним... волхователем в своём Отечестве. Оба они тоже говорили, что послание несёт угрозу.

– Тоже?

– Как и вы! – удивился я.

– Разве я сказал, что начертание несёт угрозу?

– Суть опасное, – уточнил я. – Молния или ядовитая змея опасны, и не следует без веских причин купаться в грозу, но разумно манипулировать магнетизмом или ядами возможно и с пользой. Для учёного исследовать их необходимо, надо лишь принимать известные меры предосторожности.

– Вот и примите, – отрезал он. – Это мой совет. Вы что же – масон?

– Нет, разумеется.

– Это был не вопрос! – вскричал он. – Точнее – вопрос риторический, ибо сие и без того видно. Знаете, степени масонских посвящений?

– В Египетском Уставе Мисфраима их девяносто.

– Вы всё время изъясняетесь так, словно держите экзамен и боитесь провалить. Бросьте эту привычку, мой друг, научитесь разговаривать без этих ваших штук, тогда, возможно, станете с людьми на равных. Ясное дело, что теперь их девяносто. А сто лет тому не было ни одной. Важно, что они разделены на четыре корпуса, высший из которых каббалистический. А вы, не пройдя первых степеней знания, пытаетесь сразу разгадать самый трудный. Знамо дело, ничего у вас не выйдет.

Я не в силах был понять, что в его словах шутка, а что он излагает всерьёз.

– Потому я и нашёл вас, – ответил я, дабы не выказать совершенного невежу.

– Я вам помогать не собираюсь. Нет резона. Да и как объяснить неучу природу теплоты? – Он помолчал, ощущая свой аргумент как недостаточный. – Вы меня спасли – и что? Я вас просил?

– Не поминая моё имя, но вы зывали о помощи. Поступим вот как. В свой дом вы поостережётесь возвращаться. Прощайте. Мне он по вкусу. Открою там контору, а покуда покопаюсь в вашей библиотеке. – Я кинул на стол монетки и встал, стараясь не глядеть на принесённые только что початки печёной кукурузы, сверкающей алмазами крупной соли в бараньем сале.

– В каббале, – быстро подался он вперёд, – сочетания знаков не отображают бытие, а производят его, но я не чувствую в себе сил управлять небесными светилами. Однако, не все такие, как я. Слышали о латинских квадратах? – уже спокойно спросил он, и я опять уселся напротив.

«Двадцать пять клеток, в середине буква, обозначающая число дней действия заклинания» – чуть не сказал я, но вовремя прикусил язык, так что даже вскрикнул. Он удивлённо округлил глаза, потому как моё «Уй!» несколько отличалось от «да» на французском, которое, впрочем, и следовало мне произнести.

– Это почти то же самое, но на другом языке.

Я уже взял себя в руки.

– Некто Ван Гельмонт в тысяча шестьсот шестьдесят седьмом году издал «Краткое описание подлинного естественного алфавита евреев», доказывая, что тот имеет происхождение божественное...

– Ага! Еврейский язык наделён силой быть единственно понимаемым небесными силами... А ещё, говорят, на их буквы смотреть полезно, они деньги привораживают. Всё же

полтора года лет не прошли для нашей науки даром, чтобы повторять разные бредни, верно? – прервал он меня.

– Но вы же сами!.. – вознегодовал я.

– Тише! – приложил он палец к губам. – Не забывайтесь. Что я вам сказал? О проклятии, о заклинании? Вы же человек науки, как сие может действовать?

Мы взяли по початку длиною в фут и принялись демонстрировать друг другу исправность передних зубов.

– Мысль нематериальна, но слово в звуках материально вполне!

– Язык после Вавилона нужен только для общения людей. Что ещё объясните, повторяя чужие мысли?

И без того окружавшие нас лица не казались мне безобидными, теперь они и вовсе представлялись сборищем восточных колдунов, собравшихся на чёрный совет, но моему собеседнику они, кажется, не досаждали. Почему он выбрал этот вертеп, я не спрашивал, сюда вряд ли посмели бы зайти европейцы, а местные жители Карно, знавшие все здешние языки, казались и понятнее и честнее.

– Вы мне объясните, – обиделся я. – Кто – читает латинские квадраты? Демоны, ангелы или сам Господь?

– Вспомните, как вы в детстве трясли яблоню, – повторил он мой тон. – Сил у вас не доставало бы раскачать её с одного раза и даже с нескольких, не используйте вы один трюк. Вы хватались за ветку, угадывали её колебание и, прилагая вовремя малое усилие, доводили её до нужного размаха. Кто помогал вам: демоны, ангелы или сам Господь?

Я выдохнул в некоторой обречённости:

– Да, в механике это называется резонанс.

– Браво. Разве демоны или ангелы читают движения ваших рук, а потом прикладывают свои дополнительные силы? Или таковы законы мироздания, а вселенная подчиняется максиме Декарта, согласно которой Бог создал законы природы, а после те действуют самостоятельно? Откуда знаете вы, не в резонанс ли приходят какие-нибудь магнетические силы в наших головах и вокруг нас, когда вы смотрите на знаки? Вам ведь приходила мысль о том, как связаны идеи и материя? Мельчайшее побуждение в конечном счёте возводит города и срывает горы.

– Приходила. Но то – идеи, размышления, а не тупое глазение на непонятный рисунок.

– Вот, вы видите горячий початок кукурузы, вдыхаете его аромат и отправляете в рот – вам не нужно объяснять, что это съедобно и вкусно, ибо вы общаетесь с кукурузой не на языке энциклопедии, а на языке голода. Вы читаете надпись на знакомом языке, и нечто в вас происходит. Вы не задумываетесь, как. Но почему вы думаете, что это происходит всегда лишь осмысленно? А что, если связь овеществляется и иначе – бессознательно? В чём состоит эта первичнейшая заправка? Ведь ветка резонирует, даже если вы не отличаете яблоню от сливы, а плодоносящее дерево от сухой смоковницы. Скажу более, крестьянский мальчишка, не сведущий в кинематике, раскачает её не хуже учёного мужа. Да что там: здешние обезьяны вполне успешно трясут пальмы.

Мне нечего было возразить. Столь логичные и простые рассуждения его уже казались мне моими собственными, ибо и я блуждал в своих поисках совсем неподалёку.

– Пожалуй. Тогда ясно, отчего изображение обязано иметь необходимую степень точности! Толкать ветку можно чуть быстрее или медленнее, но только – чуть! Не вполне точная копия уничтожит весь эффект того, что вы называете... побудительным мотивом, а я заклинанием. Но какому мудрецу под силу написать его? Розенкрейцеры, мартинисты?

– Самое большее, в чём обвиняли тайные общества – их учение направлено против церкви и государства. На деле истинная цель многих – постичь законы мироздания, не хуже Кеплера или Тихо Браге.

– Благородная цель. Но зачем делать это тайно?

– Потому что попутно они уничтожат церковь и государство.

– Выходит, обвинения верны.

– Не верны, но верны. Так бывает. Такакие машины создавались не для того, чтобы лишить дохода вязальщиц, но луддиты обвиняли в своих бедах создателей механизмов.

– В чём же состоит цель того общества, что преследует вас?

– В сущем пустяке. Они хотят узурпировать власть на небесах. И в аду. – Его кулак опустился на ладонь, издав шлепок, как если бы кто-то кого-то ударил, и мы снова стали предметом настороженных взоров.

– Вот как! – воскликнул я как мог тише, потому что не имел сказать ничего другого.

– Да. Они хотят найти способ подчинить себе не столько этот свет, сколько тот.

– Какие же способы они имеют для этого?

– Передохнем немного, – оборвал он резко.

Я быстро осмотрелся, но ничего подозрительнее двух курильщиков опиума, смотревших сквозь нас в им одним видимые дали, не отметил. Прочий люд быстро остыл к нам.

– Я не устал.

– Зато утомился я, – солгал Карно. – Мне нужен отдых и глоток вина... пятьдесят глотков вина, чтобы понять, кому сейчас известно больше: ещё мне или уже вам. Продолжим...

– Завтра?

– Мне нужны кое-какие записи и книги, оставшиеся сейчас без присмотра. Люди, выследившие вас и меня, вернутся, чтобы покопаться в моих архивах.

– Я оставляю вас, и вы растворитесь, – предположил я, зная, какой он даст резон.

– Тогда дарю вам всё моё наследие, – всплеснул он руками.

– Вы могли бы послать арабов, они принесут вам вашу собственность.

– Они не будут столь осторожны. К тому же мне нужна малая толика сокровищ, остальное не важно. Как я объясню им, что брать, а что нет? Но главное – мне нужно вино. Парочка прекрасных бочонков родосского, какое нелегко сыскать и в Александрии, хранятся в подполе, мусульмане к нему не притронутся, а вы всё не выпьете.

– Почему вы не опасаетесь, что я исчезну с вашими ценными фолиантами?

– Вы не купец, вам они нужны не для продажи, а для знаний. Я дам вам избыточный список. На деле мне нужна пятая часть того, но вы не будете знать, какая. Без меня вы потратите полжизни, чтобы разобраться. Кроме того, далеко сбежать с таким количеством бумаг нелегко – ни от меня, ни от ваших друзей, ни от слуг Мегемета Али. И главное – вам не терпится кое-что выведать у меня, не прикладывая к добыче сведений труда.

Он широко улыбнулся, предлагая мне парировать его рассуждение.

– Увы, Андрей оставил мне недостаточные описания, как сыскать ваше жилище. Всё же, неделей позже или раньше, но я нашёл вас, что оказалось не под силу тайному обществу ваших врагов, а это уже чего-то стоит, – ударил я главным козырем, доставшимся мне незнамо как. – Если я исполню вашу просьбу, вы клянётесь открыть мне то, что знаете?

– Обещаю, – вздохнул он. – Вы – ладно. Но то, как *он* нашёл меня – единственное, что я не в силах разгадать, а вы не откроете. Так что, увы, один без другого мы теперь калеки.

Ударив по рукам, мы скрепили уговор глотками шербета, он кликнул разносчика, и покуда нам несли на десерт разновидность фракийского каймака с мёдом, набросал мне кратчайший путь к своему пристанищу.

Пока следующие четверть часа он писал подробные указания, я пытался распознать во всём этом подвох. Ничего не найдя дурного, я всецело доверился этому человеку, которому уже симпатизировал не только за лихое пренебрежение правилами, но и за редкостную прямооту и простоту нравов. Даже лгал он артистично и неприкрыто. После указал он мне постоянный двор, в котором намеревался провести одну эту ночь, и я как умел благословил его, ибо такой

славный набор тёмных личностей в одном месте (впрочем, в числе их он не выглядел изгоем) не встречался мне доселе ни разу.

Вечерело, и вскоре, словно разлучённые любовники, Венера на западе и Юпитер на востоке бросили пронзительные лучи свои навстречу через весь небосвод, напомнив мне об Анне и нашей с ней столь же дальней грустной связи. И всё же планетам легче – Кеплер установил им твёрдые законы сходиться и расходиться, людям же никак не удаётся установить простые с виду соотношения между волей, долгом и случаем.

Раздобыв фонарь, я отправился в свой недалёкий поход, намереваясь с первой темнотой достичь жилища Карно, и заночевать там, а уж поутру приступить к разбирательству. Благополучно миновав окраинные лачуги, я вскоре упёрся в одиноко стоящую усадьбу, могшую здесь считаться пристанищем богача. Убедившись, что никто меня не видит, я тихо преодолел ограду и приблизился к узкому окну, опасаясь засады внутри. И не напрасно. Холод пробежал по моим членам, едва заметил я тусклый отблеск света, замерцавший в щели ставни, которую удалось мне бесшумно приотворить. Я наглухо закрыл окно своего фонаря, и стараясь не дышать, попытался, заглядывая так и эдак, уловить причину сего зловещего отсвета, тем паче что уже доносился до меня изнутри и некий настораживающий шорох. Ступая тише кошки, я обогнул дом по кругу, пользуясь косым лунным светом, но никого не обнаружил. Лишь повторив свой манёвр у другого окна обширного кабинета, увидел я картину, заставившую меня присесть и замереть. Некто в белом арабском одеянии тщательно обследовал библиотеку. Лампу свою с узким лучом, пробивавшимся сквозь плоскую щель, подносил он к разным шкафам и полкам, после чего выбирал с них некие сочинения и откладывал в уже довольно приличную кучу. Действовал он не спеша, не только извлекая документы и книги, но и пытаясь изучать их содержание, из чего я мог составить вывод, что он уверен в своей безнаказанности и не опасается вторжения. Тут однако он неожиданно развернулся, принуждая меня отпрянуть – и столь поспешно, что произвёл я некоторый шум. Известно, что когда хочешь сделать что-то как можно тише, непременно наделаешь грохота, поскольку мускулы, привыкшие работать обыкновенно, обязательно проделают неуклюже самое невинное движение – так и сейчас: зацепив что-то, я попытался исправиться и уж вовсе обрушил в темноте какой-то горшок, покачнувшись, он задел другую железку, и всё это рухнуло прямо мне на ноги. Свет в доме тотчас порхнул, проворные шаги к окну прижали меня к тени стены, голова человека высунулась наружу и повела по сторонам. Я уже приготовился фонарём нанести удар в висок – до него не было и аршина, как свет луны очертил профиль моего Прохора. Удивление смешалось с радостью, ведь где, как не здесь, уместнее нам искать встречи, но я замешкался, сухим от волнения языком шепнув его имя, а он уже исчез в доме. Заглянув в комнату, я заметил лишь удалявшийся свет лампы, и вскоре стало совсем темно, так что открыл я свой фонарь, и тотчас чья-то нога разбила его, а мгновением позже получил я такой толчок, что голова моя ударилась об угол, и я рухнул без памяти.

Утро было в разгаре, из чего позднее сделал я вывод, что не только лишился чувств, но и попросту проспал остаток ночи. Голову я поднял с трудом, но к счастью оказалось, что тяготит её лишь большая повязка, заботливо и обильно смоченная Прохором.

– Эх, как угораздило! – кинулся он ко мне, едва я пошевелился. Казалось, он не спал вовсе, оберегая меня после роковой своей оплошности.

– Я на тебя не серчаю, Прохор, – опершись на его локоть, я поднялся. – В темноте недолго спутать. Сам же я осторожничал чрезмерно.

– Вы меня не узнали, и я обознался.

– Рассказывай. – Я ощупал крупную шишку и поморщился от боли.

– А чего там, как я вернулся – вас нету-с, ну и сел ждать.

– И всё?

– По большому – всё, а мелочи...

– Понял, что драка была?

– Как не понять, когда беспорядок и натоптано-с. Сперва думал, вас похитили, но потом сыскал колодец с верёвкой. По такому силком вести не с руки, да и следов две пары. Тут либо за вами гнались, либо вы гнали. О колодце с ходом вы ведать не могли-с, значит, кого-то спугнули. Ну, думаю, догонит, и вернётся. Полез проверять, боковой ход нашёл, наружу вылез, а дальше всё одно потерял. А когда вернулся, тут уж двое татей шарили. Всё книги собирали. Я поглядел-поглядел, а после шугнул их палкой. – Он почему-то покосился на ружьё. – Ну, а уж когда вы пришли-с, думал, что они снова заявили.

– А сам зачем по шкафам рылся? – Я уловил настороженный взгляд его и объяснил: – я со спины видел, тебя не признал, думал – те воры, с которыми мы сразились.

– Так хотел вам же и подсобить. С фонарём ночью хорошо видно, на что они покусились: там пыль стёрта, вот я и откладывал-с. Всё и теперь лежит – готовое.

Я уже и не дивился такой сообразительности своего секретаря, но, как не раз бывало уже в разговорах с ним, что-то неуловимое не давало мысли спокойно улечься.

– Я не собирался чужие книги красть.

– Кто сказал красть? Прочесть! И на место вернуть. Но если что надо – реквизировать, – он сжал кулак.

До самого вечера я собирал рукописи по списку Карно, и Прохор завалил ими целую арбу. Книги из кучи Прохора тоже прихватил я, намереваясь расспросить владельца, почему они могли интересовать тайное общество его врагов.

За прошедший день Карно умудрился найти для проживания новый дом, впрочем, я не сомневался, что при его жизни он всегда имеет на примете немало подходящих убежищ. Встретив меня у таверны, где мы расстались, он, держа в руке факел, указывал, куда надо править. Но только через полчаса мы достигли цели – хижина на самом отшибе, с двумя выходами со двора – в разные проулки.

Но стоило нам лишь переступить порог, как Карно порывисто подскочил к Прохору и, схватив того за грудки, ловким разворотом швырнул к стене. Мой ямщик почему-то и не думал сопротивляться, хотя мог бы, кажется, одним движением освободиться от натиска. В подрагивавших сполохах жёлтого пламени Карно глядывался в простодушное и удивлённое лицо напротив.

– Где я мог тебя видеть? – процедил он, отпустив хватку. Прохор не понимал, тогда я вступился за него.

– В Константинополе, не так ли? – и пересказал историю с купцом-близнецом. – Что вы купили у него, признавайтесь?

– Года три прошло. Уже не помню. – Он немного отступился и отпустил моего секретаря. – Какую-то древность, конечно. Всякий чёрт суёт там антики да книги, да всё разве упомянешь?

Тут пришлось в свой черёд успокоить и Прохора, который рассмеялся, не сердчая на конфуз. Француз оказался вполне счастлив добычей, особенно вином, которым он тут же угостил и нас. Оценив меж тем новое жилище, мы утвердили его в чине временного пристанища и единогласно постановили хорониться там некоторое время.

– Так что вы ищите здесь, в Египте? – спросил я его, когда за полночь сморённый Прохор уснул, и мы остались наедине, если не считать расположившегося между нами полуведёрного кувшина.

– То же, что и все, друг мой. – Он придвинулся ближе и зловеще прошептал: – Язык Адама.

Я наклонил кувшин, и водопад искрящегося вина вмиг наполнил мою кружку. Уже и без того мы были не вполне трезвы.

– Тот, что позволяет общаться с ангелами?

– Не общаться, друг мой, – с наслаждением тянул он вино и речь. – Повелевать! Заставлять сообщать их нечто необходимое, и уметь понимать ответ.

– Не вы ли утверждали ещё вчера, что это чепуха?

– Я утверждал не это. Я лишь сказал, что древнееврейский язык не годится на эту роль. Джону Ди нашёптывали не те ангелы.

– И вы в это верите? – изумлению моему не находилось предела.

– Это стоит проверить, не так ли?

Он говорил спокойно, но меня не оставляла мысль, что Карно попросту дурачит меня, и пьяным ещё более чем трезвым, посему я отложил подробный допрос.

– И вы конечно нашли что-то от истинного языка, иначе зачем вы вашим врагам?

– Кое-что, возможно, и нашёл, – кивнул он.

– Муравьёв тоже искал это?

– Он ничего не искал – себе. Он исполнял поручение – более или менее сознательно.

– Вы помогли ему найти... книгу?

Я ставил куш больше имеющихся средств, но должен был делать вид, что мне известно многое. Карно ответил спокойно и просто:

– «*Apologia compendiaria*», – он надолго прильнул к своей кружке, и неспроста. – По глазам вижу, вы ведь не знали названия, признайтесь! Так что я даю вам больше сведений, нежели ваш приятель.

– Что же не так с моими глазами? – сощурился я.

– В том-то и дело, что ничего. Вы допускаете предположение, что я вас испытываю, потому храните лицо равнодушным. Вы, похоже, вовсе не знаете, существует ли такая книга.

– Прекрасно знаю.

– Неужто?

– Вам ведь не нравилась моя манера говорить, словно я держу экзамен, так что извольте верить.

– А всё-таки?

– Её полное название содержит ещё слова «*fraternitatem de Rosea Cruce...*»

– «...*Suspicionis et Infamiae Maculis Aspersionem Veritatis quasi Fluctibus abluens et abstergens*», – поспешил подхватить он в некотором экстатическом восторге, и то оказалось вовремя, ибо всех слов сего занудного титула я, конечно, не помнил.

– ...Автор её, Флудд, или по-латыни, Флуктий, много путешествовал по Европе, некоторые спорно утверждают, что он посещал и Константинополь. Он утверждал, что розенкрейцеры вызывали ангелов при помощи каббалистической магии.

– Пытались вызывать. Это по сути своей апология Джона Ди с его спиритическими опытами. Но я уже сказал: тот общался с неправильными ангелами. А, вернее, его приятель Келли, он же Талбот, бывший у Ди медиумом. Надо бы вам знать, что он не раз отговаривал своего патрона от опасных занятий, подозревая, что связался с духами зла. Он был очень напуган, но Ди оставался непреклонен. А вы – не боитесь ступить по этому опасному пути? Мало вам земных врагов?

– А вам – не страшно? – огрызнулся я. – Где же нашёл Андрей сию редкость? Не у вас ли? Карно внимательно смотрел на меня, словно пытаюсь прозреть, как глубоко могу я лгать.

– Некоторые здешние книгохранилища ещё не пусты.

– Есть ли в Египте древние библиотеки? Что осталось от той, в Александрии?

– Никто не может теперь сказать, какие сокровища хранили знаменитые библиотеки фараона Хеопса, или Хембеса, книгохранилища Седьмой династии или Птолемеев. Одна из библиотек Птолемеев содержала сорок тысяч свитков, другая – пятьсот тысяч, а по некоторым сведениям даже семьсот тысяч свитков. Большинство из них было уникально. Первая, мень-

шая из библиотек, погибла в сорок седьмом году до Рождества Христова, когда Юлий Цезарь в гавани Александрии поджёг египетский флот и огонь перекинулся на город. Из второй библиотеки император Диоклетиан изъял и уничтожил все тексты, которые содержали магические знания. В его правление и в последующие годы невежественные толпы неоднократно устраивали погромы библиотеки, сжигая и уничтожая ценнейшие рукописи. Мусульмане-арабы, захватившие Александрию, довершили уничтожение. С Андре всё ясно – он слепо исполнял поручение своих начальников в обмен на путешествие по Святой Земле... в отличие от вас, его противоположности, человек он, признаться, весьма простодушный и довольно безалаберный. Таким судьба благоволит, они находят сокровища прямо под ногами. – Тут он склонил голову и заглянул снизу, как умел, когда хотел найти мои зрачки. – А... что *на самом деле* хотите сыскать – вы?

Вопрос был поставлен умело. Я и сам по сию пору не знал, что ишу. Или точнее – я искал ответов на слишком много вопросов, некоторые из которых не могли не быть связаны. Со вздохом я признался ему в том, но он оказался самоуверен и упрям.

– Знаю. Все ищут одно и то же. Манефон, Эратосфен... Тит Ливий, Диодор... А находят какое-нибудь истинное и достоверное изложение того, что происходило многие годы между доктором Джоном Ди и некоторыми духами.

Я насторожился, и это не укрылось от него.

– Почему – Тит Ливий и Диодор?

Я спросил и тут же едва не прихлопнул рот ладонью. Надо же, как легко меня подловить! Из брошенных с притворной небрежностью этим шулером карт я проворно схватил нужные мне.

– Диодор называл Хеопса Хембесом, – улыбнулся он шире, чем требовалось, поскольку, уловил не только мою оплошность, но и то, что я спохватился об этом, следовательно, не скрыл своего интереса. – А Манефон – Суфисом. Эратосфен – Саофисом.

Это не развеяло моих подозрений, и я счёл благоразумным оставить этот опасный и ничёмный в сию минуту разговор.

– Неужели в библиотеке Мегемета Али совсем нечем поживиться? Не скрою, я рассчитывал свести с ним знакомство.

– Забудьте. Дюжина старых Коранов и куча новых газет. Он обожает смотреться в зеркало европейской печати. Неужели ваш друг Муравьёв не сказал вам?

– Про европейский двор паши?

– Про сокровища библиотеки.

«А вам, верно, путь туда заказан», – хотел было молвить я, да на сей раз вовремя одумался.

От инквизиторской ли сущности нашего диалога, или от выпитого без меры вина я почувствовал прилив крови к вискам и отпросился спать. Но долго ещё в ночи, стараясь не выдать шевелением и вздохами своего бодрствования, лежал я, мучимый рассуждениями о неведомом.

4. Хаим

Что крылось за мнимой искренностью Карно: простое подпитие или стремление увести в дебри средневековой алхимии под удобной маской подпития? А может, желание узнать от меня хоть что-то, неизвестное и ему? Яснее ясного, что опытный француз владел бездной полезных мне сведений, но и за неделю выпытать их у него я бы не смог. Ответы могло дать только время, а для общения с ним требовалось какое-либо совместное предприятие. Назавтра я первым делом решил предложить ему сделку: работать в раскопках. Он получит свободу выбирать места и распоряжаться некоторыми средствами Общества, я – право наблюдать за ним и извлечёнными из недр находками, кои мы обязаны будем после разделить поровну. Мы без затруднений ударили по рукам, скрепив уговор роскошным завтраком за его счёт из только что полученного задатка. Но когда наши кубки столкнулись, взгляды пересеклись остриями шпаг. После Карно говорил, что это обрадовало его, ибо нет ничего крепче уз взаимной подозрительности при взаимном же интересе – того, чем грешат почти все супруги.

Он без промедления предложил мне давно занимавший его проект: начать раскопки основания Сфинкса, утверждая, что несколько лет тому один англичанин уже сделал это, срисовал некие неведомые знаки и был таков. Но прежде чем исчезнуть – приказал основательно засыпать раскоп.

– Чем это может заинтересовать меня? – спросил я.

– Лейбниц утверждал, что язык Адама невозможно восстановить, но можно найти его в развалинах, – сказал Карно, значительно подняв палец и улыбнувшись так, что я не понял, шутит он или всерьёз согласен с утверждением великого философа, много посвятившего делу розенкрейцеров.

Он тотчас добавил, что ему понадобится три тысячи франков и два месяца времени.

– Разве эти бедные арабские землекопы должны вырыть туннель к центру Земли?

– Львиная доля пойдёт мне, – махнул он рукой.

– Вы дорогой партнёр.

– Я порядком поиздержался, задолжал многим.

– При вашем умении скрываться, это не должно сильно вас беспокоить.

– Я скрываюсь – от бесчестных убийц. Любой же зеленщик знает, где меня искать.

– И никто вас не выдал?

– Ум моих противников чрезмерно изворотлив. Таким умом трудно думать простые мысли.

– Вы тоже не промах, в вашей семье, кажется, умеют извлечь квадратный корень и из отрицательной единицы, – сварливо добавил я.

Впрочем, смета и сроки меня весьма устраивали, я дал согласие, ибо даже не мечтал доселе узреть основание гигантского монумента, и хотя бы из глубины колодца ощутить всю полноту величественности древнейшей на земле скульптуры и её зодчих. Перво-наперво следовало запастись дозволением владыки Египта, Карно наотрез отказался отправляться ко двору, мне это тоже приходилось не с руки, ибо я ещё стремился сохранить свой визит в тайне от властей. Взгляд француза упал на беззаботно похрапывавшего Прохора.

Спустя час, подобающе нарядив его и обучив коротко здешним правилам, мы отправились во дворец. Прохор плелся, медленно пыля длинными шагами и всем видом изображая неодобрение. Редкие густые плевки его словно вбивали гвозди отвращения в наш замысел.

– Вернёмся к прошлому разговору. Вы сказали, что нашли для Муравьёва ту книгу Флудда.

– Вас не удивляет, что этих книг полно во всей Европе, а он явился ко мне?

– Вы предвосхитили *мой* вопрос.

– Я указал ему место, где её можно найти. Это не библиотека Мегемета Али. Но я вам не скажу.

– Чем же книга эта отличалась от тех, что разбросаны по свету?

– Не желаете разгадать эту загадку сами? Ладно, – сжалился он. – Вы ведь приехали заглянуть в конец задачника, где собраны готовые ответы. Учтите, там бывают ошибки, порождающие в чрезмерно доверчивых основу великих заблуждений. Андре искал не книгу, а – рукопись этой книги!

Он со значительностью закивал и скривил мину на лице, будто съел горсть сырых оливок.

– Разве такое возможно?

– Иногда случается.

– Ну, я бы ещё видел смысл искать в Фустате рукописи Масуди, который кончил здесь свои дни. Но каким образом манускрипт, порождённый в Европе, оказался в Африке? – с недоверием отозвался я.

– Яснее ясного. Кто-то доставил его сюда, чтобы после обнаружить.

– И каков тут сокрыт резон?

– Не знаю. Хотите десяток предположений?

– Чтобы я усугубил их своими? Не трудитесь. Положим, что так. Но для чего указали вы незнакомцу, где его искать?

– Хотел выяснить, от кого он узнал, где я обитаю. Таков был мой вопрос ему. На деле я жаждал знать, кто знает, что я вообще ещё жив!

– И Андрей сказал?

– Задание передал ему генерал Дибич. В запечатанном письме.

– Фельдмаршал...

– О, это меняет дело, не так ли! – выпучил он глаза. – Вот теперь всё прояснилось!

– Тот лишь исполнял поручение Голицына.

– Вы знаете, – поднял он палец, – потому что имеете похожее дело и, кажется, обеспокоены сим фактом. Не трудитесь отвечать. Скажу, что с Андре вышел конфуз. Я выведал о двоих посредниках – и только.

– А откуда вы проведали о манускрипте?

– Уже не помню. Довольно давно мне попался каталог редкостей некоторых здешних хранилищ, в основном, семейных. Я всегда допускал, что подсунули мне его не без умысла, да не представлялось случая проверить наверное.

– Рискну предположить, что некоторые ходы, открытые Муравьёву, были закрыты для вас, и вы жаждали проникнуть туда без опасности, хотя бы и чужими руками. Муравьёв показал вам, конечно ту находку.

– Вы мыслите верно, здесь все используют каждого: вы меня, я вас. Иной раз мы танцуем в парах, а когда и хоровод водим, замечали? Я не могу появляться везде, где захочу. Он послужил мне отмычкой. Рукопись он нашёл, а значит, каталог не врал.

– Не позволите ознакомиться с ним?

– Нет. Назовите рукопись, которую ищете вы.

Я уже открыл рот, но от неожиданности застыл. Но глаза мои не лгали, а память не подводила – никогда не мог бы забыть я облик того встречного на моём полном странностей пути. Потом, совладав со своими членами, я бросился укрыться за низкой стеной. Карно, не сразу заметивший моё исчезновение, отмерив ещё десяток сажений, издали с недоумением переводил взгляд с моей согбенной персоны на иудейского учителя, по счастью не заметившего меня и продолжавшего следовать своим путём. Рядом с французом, мрачный Прохор, разодетый в дорогие одежды по случаю своего бенефиса, казался вальяжным господином, чей слуга ищет оброненный по пути кошелек.

– Хотите – ждите здесь, нет – следуйте за мной, – со злостью шепнул я Карно, когда Хаим Цфат удалился на безопасное расстояние, но оставался ещё досягаем для наблюдения издали. – Только не уподобляйтесь Колоссу Родосскому.

– Главное в Каире, друг мой, – ответил тот с разгоревшимися от страсти глазами, – то, что, пока вы шпионите за кем-то, не можете видеть, кто следит за вами. Итак, план: вы наблюдаете за ним, я – чтобы никто не преследовал вас. За такие услуги я беру недорого. Полсотни франков. Встретимся у синагоги.

У меня не нашлось времени спрашивать, где находится синагога, и почему мы должны встретиться непременно там. Хаим уже свернул в проулок, и мне потребовалось всё моё проворство, чтобы нагнать его в окружающей суете. Дальше мы довольно продолжительно петляли по всей окраине, и он неоднократно озирался и даже останавливался: то ли искал верный путь в этом лабиринте, то ли в попытке следовать правилу Карно, но повсеместное изобилие людей и животных легко скрывало меня от его неумелого наблюдения. Он же в своём одеянии легко оставался отличим для меня от всех прохожих. То, что он прекрасно ведал свой маршрут, не вызывало у меня сомнения по его уверенной походке. В конце его он вошёл в неприметную дверь какого-то весьма старого строения. Расположившись шагах в тридцати, я с удобством мог наблюдать за выходом, и имел возможность порассуждать, вернее, задать себе ещё одну порцию вопросов.

Дамаск и Каир разделяет изрядное расстояние и немалые трудности пути. Поверить в то, что даже важные начальники иудейских общин путешествуют то и дело из конца в конец Османской империи, я не мог. Какое же дело могло увлечь его сюда? Предположить, что оно никак не связано с предъявленным мной начертанием, у меня не получилось. Может, он отправился искать источник? А может, антидот?

От мыслей меня отвлек Карно, спустя минуту опустившийся бок о бок. Он произнёс успокоительные слова, но сейчас меня заботили иные тревоги.

– Что там? – указал я на дверь, за которой скрылся Хаим.

– Синагога, – удивлённо ответил француз.

Так или иначе, я решил подождать, куда отсюда отправится мой знакомец. Я сказал Карно, что останусь до конца молитвы. Только теперь пришагал и Прохор, отряхивая одежду от пыли и глядя на нас сверху вниз с нескрываемым упрёком.

– Он там не молится, – сказал Карно, располагаясь поудобнее. – Так что ждать придётся долго. Но есть и приятная весть: у меня полная фляга родосского. И ещё. Я обнаружил другого иудея, он делал вид, что ни при чём. Я неосторожно опрокинул на него бурдюк лимонада, так что вас он не заметил. С вас пятьдесят франков и ещё один за лимонад.

– Что же он там делает? – с досадой спросил я, сделав глоток его вина. Прохор показно отвернулся. Мне казалось, он рад тому, что ему довелось продлить удовольствие фальшивого своего триумфа.

– Услуга за услугу. Кто вам эта птица? – Он посмотрел на меня пристально и добавил: – Всё одно – я узнаю.

– Залётная птица, – вздохнул я. – Мы щебетали с ней в Дамаске.

– А-а! – растянул он плотоядную улыбку. – Так это она напела вам о проклятии!

Прохор втянул голову в плечи и протяжно плюнул вдаль, вложив в сие действие всё своё презрение.

– Положим, – недовольно ответил я, не ожидая такой пронизательности. – Но и собственные ваши выводы недалёки от её.

– Ему вы явно показали больше. Стал бы такой важный Птах сбивать подмётки, чтобы добраться до каирской генизы.

– Теперь ваша очередь, – едко напомнил я и сунул флягу ему в руку.

– Когда отлетает дух, мы прячем тело от глаз человеческих, чтобы избавить его от осквернения, – ответил он без заминки, словно прочитал оду, лишь только промочил горло. – Иудеи не сжигают свои документы и книги, пришедшие в негодность. Они их закапывают, словно бы хоронят. Они говорят так: «Когда писание истёрто временем или выходит из употребления, мы прячем книгу, чтобы сохранить её от надругательства. Содержание книги отлетает к небесам, как душа». Но в здешнем грунте такое немислимо, так что они попросту складывают всё на чердак синагоги. Вот уже тысячу лет или больше. Клад для архивного юноши вроде вас, а! – меня едва не ослепил чудесный его оскал.

– Не имел чести наслаждаться той синекурой. Какие же сокровища хранит эта... букинистическая лавка? – сухо продолжил я допрос.

– Тит Ливий, Диодор... антологии Мелеагра... Шучу, не обнажайте кинжала. Но вы напрасно ищите древней мудрости у иудеев. Каббала – изобретение довольно новое, говорят, её родина – Прованс, в те годы – провинция Священной Римской Империи. Знаете, откуда пошла эта глупая мода, которую продолжаете вы, ваш Голицын и отчасти я? Николай Фламель, живший в Париже, приобрёл папирус... вы попробуйте на вкус эти связи, ведь папирусы произрастают в Египте... – и фляга с живительной влагой тут же перекочевала ко мне, – папирус, которому он дал название «Книга Иудея Авраама». Он якобы раскрыл его тайны спустя много лет с помощью раввинов, обитавших в Испании – евреям не разрешалось селиться в прекрасной Франции, м-да.

«Ты ещё не всех деталей знаешь, – злорадно подумал я, в то же время удивляясь, как легко Карно удаётся конденсировать туманные взаимосвязи между общеизвестными фактами. – Голицын зачем-то ищет письма хазар евреям Кордовского халифата».

– ...Так он обрёл философский камень, эликсир жизни и даже молодости. Замечу, что это не секрет общины иудеев, кои по сию пору вынуждены помирать в ветхом состоянии, а секрет свитка, собранный по частям из разных источников. Так в Европе возникло устойчивое представление о том, что собрав кучу еврейских и египетских манускриптов, некий решительный ум может соединить разрозненные положения и восстановить утраченную сущность, известную Адаму. Ну, в переводе на язык алхимиков, пятая эссенция разума соединяет четыре Аристотелевы первоосновы. Сейчас у иллюминатов трансмутации металлов не в чести, ибо ими занялись Академии наук – *ваших* наук. В почёте – Адамов язык, повелевающий шестернями вселенной. Вес всему этому хламу придаёт неоспоримый факт длительной жизни Фламелья и его жены, огромные пожертвования церкви и покупка недвижимости десятками домов в Париже. Меж тем, наследства он не получал, ибо происходил из простецов.

– Могила его оказалась пуста, а сотни лет спустя люди встречали его то в Индии, то в «Гранд Опера».

– В вас ещё жив школяр-зубрила! – осклабился он вновь.

– Так для чего им язык Адама? – сглотнул я, не в силах оторваться от его удивительно хороших зубов, показом коих он словно бы желал подчеркнуть какое-то метафизическое родство со своим персонажем. – Кроме научного интереса?

Но он небрежно бросил, что как раз научным интересом там и не пахнет из-за того, что эти люди – практики, эдакие Действительные Тайные чернокнижники. Короли магии. Я попросил его не повторять мне чепухи про беседы с ангелами, ибо те должны бы, кажется, понимать нас безо всякого языка. Или напротив, на любом языке.

– Вы рассуждаете неверно, – зашептал он своим проворным языком, хотя и без того мы беседовали весьма тихо. – Известно, что духи – существа вольные, исполнять ваши молитвы или нет, зависит от того, как они сочтут баланс ваших грешков. Я уже говорил: общаются пусть дураки вроде медиумов. Адам же имел повелевать небесными силами. Слово его было тождественно закону. А коли мы знаем, что в основе всего лежит логос – суть слово или закон, то иллюминаты и ищут те самые слова, которые заставят ангелов плясать под их дудку. Да и

почему бы нет? Вот, представьте себе. Бесплотные существа создали материальное тело, поместили в него духовную субстанцию и вопрошают, витая вокруг: «Ну, ну, как там»? А он и отвечает: «Жарко! Убавить». Или: «Скучно, пришлите Еву». Он им и не приказывал вовсе, просто они так вместе строили мир. Он здесь принимал, они оттуда подавали. Ну, как печник залез в трубу, а хозяин дома ему сует раствор и инструменты. Оба, разумеется, масоны, если вы сами не догадались...

Он расхохотался, заставив меня нахмуриться.

– Важно не только, что говорить, но и кто это произносит. Адам был первородным и безгрешным существом, превыше человека. Но вы смеётесь над этим, а ведь и сами занимаетесь почти тем же. К чему вы упоминали Джона Ди?

– Так ведь трудно отделить одно от другого! – воскликнул он, разводя руки. – Только начинаешь исследовать иероглифы с описанием династий, как встречаешь бога Тота, то есть Гермеса со всеми герметическими традициями. – Он что-то быстро начертил каблуком прямо на земле.

– Что это?

– Монада Джона Ди. «Monas hieroglyphica».

– Напоминает чёрта.

– Вот! Из неё он выводил любой язык. – Он многозначительно скривил губы и накрыл зловещий знак флягой. – А потом я, увы, связан. Недруги охотятся за мной, полагая ложно, что я – искатель и хранитель сведений, за которые они продадут душу. Мне волей-неволей приходится искать эти сведения, чтобы продать им их при удобном случае, выторговав свою душу себе.

– Кажется, не много вы нашли для сделки, судя по драке с наёмниками в вашем доме, – поддел его я, и он не остался в долгу:

– Это так, – стал он серьёзным, и голос его обрёл едкость. – И вот я встречаю молодого человека, страждущего того же. И моё доверие к нему от того столь крепко, что я вижу в нём персону ещё более несчастную чем я сам. Вам ведь не просто надо спасти себя – в дело, кажется, замешана прекрасная дама, – закончил он отвратительным мурлыканием.

Я вскочил и высунулся из укрытия, он хладнокровно вернул меня на место, дёрнув за руку, а заодно отобрав и флягу.

– Я не позволю! – воинственным шёпотом заорал я. – Не знаю, откуда вы...

– Османская Империя – это такая деревня, – объяснил он точь-в-точь повторяя мой тон, довольный результатом, и долгое бульканье едва не опустошило чашу моего терпения. – В ней европейцы, набитые более слухами чем монетой, путешествуют из Дамаска в Каир и обратно, торгуя осведомлённостью в консульствах и при дворах пашей. О вас же, мсье Рытин, не шепчут – кричат. Тем паче что набиты вы не слухами, а золотом и... кхем... камнями.

Боже, он и это знает! Казалось, он целиком видит меня насквозь. Подумав в тишине и не будучи прерываем им, выкурившим большую трубку в перерыве, я поведал ему о скрижалих и своих замыслах раскрыть надпись, показанную ему ранее.

– Тут явно пахнет каббалой. А каббала заимствовала идеи у гностиков. – Те тоже евреи. Жили неподалёку отсюда. Вот потому я и караюлю здесь! – рявкнул я тем же шёпотом, что и он.

– Гностики учили, что юдоль сия греховна и дана в наказание, что тело – обуза и подлежит умерщвлению для освобождения души. И что битва сил добра и зла уже давно случилась. Как первая, так и последняя. Злой Демиург царствует в материальной части вселенной.

Я с трудом сдержался. Вот досада! Мы с ним словно бы кружили по следу друг друга. Я живо представил себе множество таких орбит, по которым сновали мы все: Голицын, Голау, Карнаухов, Карно, я сам – и ещё несметное множество трудолюбивых муравьёв (Муравьёв?) или, вернее, навозных жуков, отбирающих тайны друг у друга в надежде собрать свой ком –

чего? С Карно нас роднило одно: мы не охотились за тайной, а спасались от неё, и конечно, я хотел освободить от проклятия Анну.

– Как проникнуть в генизу? – холодно спросил я.

– Немыслимо! – отрезал он. – Это не «Гранд Опера», а вы не жена Фламмея.

– Я готов ждать удобного случая сколько потребуется.

– Обождите лет сто. Весь мир постепенно превращается в «Комеди Франсез», не случайно, как видно, Бонапарт подписал устав сего театра в полыхающей Москве. Но сегодня билетов туда не продают. Как и в библиотеку сераля, верно? – подмигнул он, но я сделал вид, что не заметил его колючего намёка.

– Неужели такой проныра, как вы – и не пролез туда? – мне уже опостылела эта игра, где он клал в лузу один шар за другим, а я словно выставлял ему подставу за подставой. – Ваши бакенбарды вполне сойдут за пейсы.

– Это же иудейская святыня, – пропустил он мимо ушей над бакенбардами. – Впрочем, подкупите мусселима, он упрячет вашего семьдесят третьего толковника в тюрьму, а вы в качестве награды за его выкуп потребуете исполнения ваших желаний.

– Но за освобождение мне придётся платить вдвое!

– Блестящий расчёт! О иудее вы и не подумали. Удивляюсь, как скоро Восток делает циников из самых благочестивых особ!.. – Он глотнул из фляги, приблизился ко мне и выпалил в лицо: – А вы его не выкупайте. Он вам что – брат?

Его ладонь медленно спустилась вниз по бакену, по правде сказать, ухоженному как у парижского франта.

Я рывком отобрал у него флягу, и долго не отрывался от неё, так что он забеспокоился.

– Но это уже чистая подлость! – выдохнул я в конце.

– Вы варвар, – пожал он плечами, не без усилий обретая своё вновь. – Вам не страшно совершить подлость. У православных нет ни чистилища, ни кругов ада. Какая вам разница, с какой суммой грехов вечно торчать в вашей универсальной преисподней?

– Откуда у вас такие представления?

– Бонапарт говорил так о вашей ужасной стране.

– Вы, кажется, не поклонник корсиканского чудовища?

Он гадливо сморщил нос, словно раздавил скорпиона.

– Я не числился в его почитателях, но швырять в поверженных титанов камни – удел рабов, постарайтесь это запомнить, и вы не попадёте впросак в салонах Лондона... чёрт с ним с Лондоном, – здесь, в Александрии, у Мегемета Али... Не бросайтесь оскорблениями – эта привилегия присвоена англичанами. За Па-де-Кале перчатки не долетают. А вы – варвар. Скифы обязаны аргументировать мечом. Постойте, а это мысль! Без английского... г-хем... эпитафия вы уже не найдёте в Египте памятника; угрюмые и суровые скифы же не оставили по себе ни одной записи. Если вы способны уловить в моей сентенции двойной смысл, знайте, что он не случаен.

Определённо, он всё больше и больше мне нравился. Одновременно я ненавидел его.

– Муравьёв предупреждал меня, что вы гостили в России. Прошу простить за то, что та экспедиция Наполеона не нашла тёплого приёма. Если вы видите в этой моей сентенции двойной смысл, знайте, что он не случаен.

– Вы глупы и не остроумны, – оценил он, подумав с минуту. – В моей речи смысл настолько тоньше вашего, насколько французская обходительность в любви обворожительнее русской кухни.

– В Париже подают мороженую конину?

Он расхохотался:

– Вы грубиян, Рытин. Потому я вас и прощаю. Знайте, я не сопровождал своего императора. Наш отряд посещал одно презабавное болото под Псковом. Мы следовали с бригадой Удино.

– Что же вы там обнаружили, кроме войск Витгенштейна?

– Не скажу.

– Скажете. Вы обязаны мне жизнью, теперь и деньгами, а такие наглецы, как вы, всегда платят по счетам, пусть и не сразу. Я подожду. А покуда откупорьте вашу флягу.

– Не сердчайте. Ладно, кое-что открою. Витгенштейн ни при чём. Император не давал Удино поручения атаковать Петербург, на такое безумство великие полководцы не способны. Бригада преследовала совсем иную цель: прикрывать манёврами наш маленький отряд, устремившийся в сторону ещё на полторы сотни километров.

– Манёвры те выглядели странно.

– Для непосвящённых. Удино и сам не ведал о главной цели, он лишь получал указания.

– От вас?

– Не представляю, от кого. Может, ни от кого?

– То есть вы обладали самым большим секретом. А Наполеон – знал его?

– Не подвергайте осмеянию неведомое. Впрочем, ваша манера объяснима, шутками вы заставляете меня продвигаться дальше по просторам моей памяти на северо-восток и выведываете сведения. Не выйдет. Я держу ухо востро. Конечно я тоже находился тогда в полном неведении. Просто мне посчастливилось входить в число отряда из дюжины сорви-голов, способных быстро скакать, метко стрелять и при этом не забывать думать. О задании нашем... историко-археологического толка знало двое, много – трое, они и вели нас к известному им месту. Половина из нас носили гвардейские мундиры. То ли они охраняли нас, то ли имели задание убить, если что-то пойдёт не так. Копать землю также входило в их обязанности. Ну и трое последних – мы, ветераны египетских раскопок, с опытом разгребания средиземноморских развалин.

Чем далее, тем глуше становился его голос, а выражение лица приобретало болезненную твёрдость. Он замолчал, и никакие подначивания мои не могли более разговорить его, возможно потому ещё, что вино кончилось. Я спросил, зачем он рассказал мне сию сказку без начала и конца, тогда он посетовал на то, что и я рассказал ему про скрижаль без конца и начала. Я обещал подумать, напомнив о чрезвычайной ценности сведений о самой находке как таковой, он же отметил, что его дельце в Поречье – это и вовсе секрет за семью печатями. Так мы тихо препирались до позднего вечера, оставаясь на месте, Прохор дважды ходил за водой и лепёшками, и возвращался в сопровождении булочника и водоноса, но так ни разу и не присел, фланируя по округе и с гордостью ливанского шейха нося бремя мнимого величия. Казалось, его теперь обижало то, что мы променяли его миссию на непонятное прозябание в жаркой пыли.

– Где тут поблизости можно найти хорошего вина? – спросил я.

– Хорошего вина купить тут немислимо. Ближайшее место, где можно украсть бордоское – подвалы французского консульства.

– Вы крали?

– Разумеется. Когда бежал из подземелья. Тюрьма – по соседству с погребями, там есть подземный ход, так что глупо было не подкрепиться.

Но в ту странную ночь мы не дождались Хаима Цфата обратно. То ли ушёл он неведомой нам чёрной дверью, то ли проскользнул в кромешной темноте – то было немудрено, обладай он зрением совы, – только мы, шатаясь от сонливой усталости, вернулись не солоно хлебавши в своё пристанище, едва только восток подёрнулся пеленою рассвета.

Я проснулся, тревожимый неприятным чувством. Не успевшие отдохнуть глаза явили мне в утреннем сумраке склонившегося надо мной Карно. Он сидел на низком пуфе, и левой рукой словно удерживал правую, сжимавшую кривой ятаган.

– Не стану скрывать, – мрачно сказал он. – Ночью я хотел вас зарезать. Но час размышлений спас вас.

– Приятно иметь дело с рассудительным человеком, – ответил я и прибавил, когда он отвёл нож: – и в особенности с нерешительным.

Мы помолчали, ибо в таком положении не слишком велико разнообразие предметов для разговора.

– Второго дня вы привезли две кучи книг: ту, что заказал я, и ещё одну, – заговорил он.

Утомлённые глаза свидетельствовали о том, что он не обманывал. Я брезгливо отодвинул подальше от себя его руку.

– Я желал знать, почему эти книги интересовали тайное общество ваших врагов.

– Вечером я не стал их разбирать, отложив до утра, а вчера и вовсе у нас случился сумбурный день, однако этой ночью, едва заснув, я очнулся от непреодолимого интереса. Видите ли, книги подобраны с большим знанием дела.

– Какого дела? – я медленно поднялся, дабы не напугать его резким движением.

– Грабители, работающие на орден, конечно, никак не могли выбрать эти фолианты. Дело в том, что эти люди, находящиеся в нижних градусах посвящения, невообразимо глупы и ничтожно образованы. Главные же действующие лица отчего-то никогда не шныряют ночами по смердящим задворкам восточных городов. Из этого, простите, я сделал поспешный вывод, что выбирали книги – вы. И ещё: ваш рассказ о том, как вы спугнули грабителей, так похож на правду, что никак не может быть ей.

– Странно, ведь вы сами, убегая после стычки с ними, говорили, что они вернутся.

– Вот! И я это вспомнил! И приписал вам следующее действие: зная, что я поверю в их возвращение, вы разыграли кражу и ваше участие в том, чтобы её отвратить. А на самом деле выбрали книги сами. Вы не учли одного, подумал я: что мои враги могут вернуться за мной, а не за книгами. Им нужен – я. Как и вам. И в этом моя беда, – рукояткой клинка он постучал себя по голове. – Потому что вам нужна эссенция, выжимка, самое главное. А книги содержат – всё. Увы, они содержат много лишнего. По всему выходило, что вы так-таки заодно с моими недругами. Но если они – простые громилы, то вы – рядящийся в шкуру учёной овцы волк их стаи.

– Меня терзают воспоминания былой поры. Ещё на родине меня обвиняли те самые члены тайного ордена в том, что я не тот, за кого себя выдаю. И они до сей поры в том убеждены. Но вы ведь умнее.

– Я уже занёс острие над вашим беззащитным горлом, как одно сомнение спасло его. – Карно театрально замахнулся кинжалом и вонзил его в пол. – Я подумал, а каков ваш мотив привозить эти книги ко мне, если они уже отобраны с полным пониманием предмета?

– Узнать, что их объединяет, конечно!

– Тот, кто собирал их, обязан знать, что их объединяет, – ответил он назидательно. – Он бы схватил их и исчез, а вы приплелись ко мне и к тому же глупо бравировали находками. Из сего я сделал по раздумии один лишь возможный правильный вывод: вас послали какие-то люди, снабдив списком и указаниями. Откуда они узнали состав моей библиотеки – вопрос отдельный, но вы лишь смыслённый посредник. Вы достаточно образованы, чтобы соотнести титулы на десяти разных языках, но недостаточно умны, чтобы прочитать и понять то, что под ними.

– Рад, что вы составили обо мне такое впечатление, ибо оно, кажется, спасло мою жизнь. Поскольку правда одна, а лжей много, то прийти к наиболее невинной для меня помог вам не иначе, как мой ангел-хранитель.

– Но в какую-то минуту вы решили, – продолжал повествовать он, не отвлекаясь на мои слова, – что достаточно самостоятельны, чтобы сыграть свою партию. И отвезли книги не в Петербург, а в моё логово, в надежде прояснить истину и возвыситься над вашими нерадивыми хозяевами. Я вынужденно рукоплескал вашей дурости, для чего пришлось отложить нож. А поскольку я сам из таких же, позвольте пожать вашу руку. Два дурака, вместо мощёной дороги спокойной жизни, избрали висячий над пропастью мифов мост.

– Объясните мне эту книгу. Она слишком новая среди всех раритетов.

– «Le Rouge et le Noir»... Анри Бейль, мой старый друг, назначенный нашим консулом в Триест, написал её. Увы, он тоже убеждён в том, что я мёртв.

– Есть ли друзья, от которых вы не скрываетесь? – поставил я вопрос как можно каверзнее, но он не поддался.

– Он не просто друг, – улыбнулся Карно. – Скорее, брат... По тайному обществу, и, возможно, не по одному. Мы знавали друг друга в дни похода в Россию. У меня имелось своё задание, у него своё. Трудности отступления сближают... Потом пути наши разошлись.

– Он тоже скрывается под псевдонимом... Все скрываются и всё скрывают. А что скрывает гениза? Найдите способ попасть туда, Жан-Луи, я готов заплатить.

За завтраком, случившимся, впрочем, в обеденное время, мы продолжили прерванный диалог. Занятно, что после нашего объяснения на рассвете мы легли и преспокойно проспали ещё часов пять.

– Оставьте эту несовершенную мысль. Не потому, что это опасно или дорого: ведь для вас не существует ничего слишком дорогого, как для меня достаточного в цене. Просто вы не представляете, сколько документов скопилось там за тысячу лет, и все в ужасном состоянии. Ни тебе каталога, ни библиотекаря. Да и что, скажите на милость, станете вы искать?

– Но я убеждён, что Хаим Цфат прибыл сюда после моего визита к нему не случайно.

– Вот и прекрасно! Вам повезло, что у вас имеется такой осведомлённый архивариус, знающий, что отбирать. Пусть проделает всю чёрную работу, а вы следите за местом, куда он сносит добычу. Поручите вашему секретарю. Он пройдоха и ловкач, сумеет раздобыть для вас...

– Но он не сможет прочесть!

– Кто сказал прочесть? Украсть.

– Не опасаетесь, что воровство станет вашей второй профессией?

– Почему второй? В Египте у всех европейцев это первая профессия. А мы – европейцы... даже вы.

– Я не смогу приказать такого...

– Учитесь. Или хотите, я прикажу? Но с вас триста франков. – Он встал в позу цезаря и перекинул через плечо длинную полу халата на манер туники: – «Ступай, раб, и укради мне то, не знаю что!» А вы покраснели. Да перестаньте, сейчас кражи в моде. Тянут всё, что плохо лежит, и особенно что хорошо торчит: статуи, обелиски... Воруя и друг у друга. Всякие камни с письменами... м-да. Розеттский, например. Сфинксов с ликом Аменхотепа. Может даже обрадуете вашего Голицына.

– Для чего ему все эти подлинники?

– Сами знаете, поэтому охотно отвечу. При печати знаки искажаются. Это неважно в случае простого текста, но для магических начертаний может оказаться убийственным. Не моя, но такова вера этих людей.

– В книге, которую поручено отыскать мне, не содержится никаких колдовских таблиц. – Я сообщил ему название «Silentium Post Clamores», но не заметил в его лице перемен.

– Откуда вам знать!

– Вы скажете, где она?

– Издание тысяча шестьсот семнадцатого года есть и у меня. Но вам нужен первоисточник. На худой конец, оттиск. Если вас не опередили, то часть рукописи в Константинополе. В той самой библиотеке сераля, – пропел он последние слова.

– Странно поручать кому-либо заведомо неисполнимое задание, – задумчиво молвил я.

– Ваш наниматель мог не знать о том. И с чего взяли вы, что задание неисполнимо?

Мне не хотелось упоминать о наших с Муравьевым догадках, но он ведь и без того намекал на свою осведомлённость в этом вопросе.

– Лет десять тому... – осторожно приступил я, выбирая слова, дабы не выболтать лишнего.

– Нет, пожалуй, поболее. Я немного знаком с вашим Дашковым, – пренебрежительно махнул он рукой. – Он шпион и проныра, далеко пойдёт. Неудачный дипломат, но талантливый... исполнитель неисполнимых заданий.

– Ему вы тоже указали какую-то рукопись?

– Вроде того.

– Вы, книжный червь, не могли забыть названия.

– Мы беседовали о многих трудах, например Гийома Постеля «De orbis terrae concordia» – «О Всемирном Согласии», изданном в тысяча пятьсот сорок четвёртом, где содержится среди прочего мысль о необходимости единого языка для общего мира.

– Мысль о согласии хороша для разобщённой Европы, – произнёс я задумчиво.

– Так вы бонапартист, – подначил он. – Согласие хорошо для того, кто диктует его условия. А прочие – соглашаются. Вы с этим согласны?

– Бонапарт пытался навязать нациям единство мечом, путь нашего покойного государя лежал через личные договорённости царствующих династий, – серьёзно ответил я.

– Кодексом, друг мой – больше законами, чем мечом, – проворчал Карно неуверенно.

– Ещё скажете – системой мер и весов, – отозвался я в том же духе. – Пол-литра совести, два сантиметра чести. И миллион килограмм пушечного мяса. Не желаете сегодня пролить свет на миссию Удино и вашего отряда? Я оплачу золотом.

Проход, оказавшийся поблизости, замер и ревниво закричал, не поворачивая головы.

– Узким умам не постичь сложности пути к великой цели, – вздохнул Карно, потупив взор.

– Оставим покуда, – согласился я. – Я всё же куплю у вас эту книгу Майера. Двести, вы говорили, франков? На всякий случай. Итак, князь Голицын – глава тайной организации, опутавшей три части света?

– Эдак вы и царствующую фамилию запишете в магистры розенкрейцеров! – рассмеялся он. – Тысячу двести... Голицын – слишком видное лицо, чтобы являть собой тайного начальника, он, возможно, один из поместных глав, но сам, конечно, претендовал на большее. Сделать ему этого не дали его же друзья, стоявшие выше в иерархии. В нужный момент царю Александру попал в руки доклад о деяниях князя, где истинные события подавались вперемежку с вымышленными догадками в крайне невыгодном свете. Не стану говорить, как ваш ушедший император боялся тайных обществ. Не тех нерешительных прожектёров, которые впоследствии бездарно провалили петербургское восстание, а настоящих иллюминатов и их с ними. Они не спешили открываться, а он не понимал их целей и потому испытывал ужас даже перед собственным Библейским Обществом.

– Что же такого содержало обвинение?

– Ну, например, что чернокнижник Голицын...

– Такие слова ещё употребляются в делопроизводстве?

– Хорошо. Мол, магистр иллюминатов Голицын устранял своих недругов, пользуясь неким тайным знанием. В качестве доказательства приводятся митрополиты... я запомнил их имена... умершие вскоре после споров с князем-чернокнижником. Пардон, иллюмина-

том. Интересен способ: он якобы дал прочитать... гхем... как бы выразиться? Читать там особенно нечего... Дал ознакомиться с одним манускриптом обоим своим противникам, который давался сим лицам будто бы для рецензии Библейскому Обществу. Третий же недруг, всех злейший, не дожидаясь гибели, отправил в печку сей грязный труд.

– Кто же сей непримиримый противник?

– А ваш архимандрит Фотий, с которым в последние годы дружил ушедший император Александр. Ссорился он с князем Голицыным весьма нелицеприятно.

– Почему вы всё время говорите о покойном государе, как об ушедшем?

– Вы что же, не слышали легенды о том, что в гроб вместо него положили солдата?

– Неужто вы верите небылицам, рождённым от того, что государя так долго везли из Таганрога, что разложение сделало его трудно опознаваемым? – искренне удивился я.

– Верю. А вы не верите, что он умышленно уехал подальше, чтобы его мнимый труп успел разложиться до неузнаваемости? Проведший в дороге полжизни и здоровый как его собственный конь, вдруг заболевает и умирает в несколько дней. В теплом приморском городе, куда все ездили лечиться от скверного петербургского климата. Не верите в разыгранную словно по нотам партию? Случайности не обрушиваются в такой изобилии, особенно на царей. Его родные не служили по нему панихид. Как и мои по мне. Ведь я тоже мёртв десять лет, и можете не сомневаться, смерть можно успешно разыграть не только в театре.

– Прекратим домыслы, ибо они содержат лишь косвенные улики, – прервал я его, когда он и сам замолчал. – Вернусь к прежней теме: если не князь Голицын, то кто же истинный глава той тайной организации, о которой никто ничего не ведаёт? Только не говорите, что почивший император возглавил европейский заговор.

– А что, недурная мысль, если учесть, что из Таганрога в те дни отплыла одна известная английская яхта... Мне они не открылись, знаете ли. А предполагать не означает знать. Могу ответить, что не стоит искать их среди лиц первенствующих или окружающих троны. Там опасно, можно угодить в опалу или на гильотину, причём скорее всего вовсе не за принадлежность к братству, которое лишится важного лица. Слишком яркого света они не выносят, ведь они сами иллюминаты, то есть светила. Но и во тьме не обитают, несмотря на все слухи о подземельях Агарты. Те, околачивающиеся вблизи королей, кем-то назначены из интереса к делу или попросту находятся в ловушке.

– Пожалуй, – задумчиво согласился я, вспоминая Артамонова и Голуа. – Они мастера на такие проделки. Но мне известны только истории с лицами невысокого звания.

– Ваш граф Орлов, снующий с особыми поручениями по Европе и Азии – не на крючке ли у вашего государя? В плату за жизнь брата поклялся вечно служить монарху. Ну, представьте, что у него есть и противники, в плату за что-то служащие у кого-то не менее грозного для них, чем царь для Орлова. Но вообще, вы зря думаете, что никто ничего не знает. Уверен, что не одно европейское правительство следит за его членами, однако, имея разрозненные сведения, не могут слить воедино нечто главное.

– Вот когда пригодилось бы сообщество великих держав с единым языком, – пробормотал я. – А то слишком многое искажается при переводах – и не одной только Библии.

– Пригодился бы скорее острый ум. Все они ищут признаков переворота, революции. Но это путь ложный, ибо не земные революции интересуют их. – Он помолчал. – Голицын отставлен, но он в силе, и ему опасаются противостоять. Он облечён властью тайного общества – самого страшного из всех. Но уверяю вас, он сам страшится кого-то, находящегося за пределами вашей империи, но знающего о каждом его шаге.

Я мрачно посмотрел на него.

– Извольте уж договорить. Не земные революции, сказали вы, – а какие тогда? Небесные?

– На мой вкус, все революции корнями тянутся в ад, – заключил он и поспешил выйти.

Прохор блистательно справился со своим заданием добыть фирман на проведение раскопок. Правда, первое время дело продвигалось скверно, однако когда я обещал поднять ему жалование со дня начала работ, до того отсутствовавшие нужные чиновники стали находиться, и уже недели две спустя землекопы протянули верёвки, ограждавшие двадцать саженей с северного угла истукана.

Выбор сего расположения Карно объяснил в своей манере:

– Он хотя бы отбрасывает сюда тень, этот тетраморф, в отличие от злых пирамид, за которыми весь день нигде не спрячешься.

– Херувим из видения Иезекииля? Почему вы так его назвали?

– А-а, хоть этого вы не знали! – обрадовался он. – Но под песком сокрыты крылья орла, тело быка и лапы льва.

– Просто я не так представлял тетраморфа. Как же вы увидели его целиком?

– Его никто не видел целиком. Лет пятнадцать тому его расчистили по грудь. Египетское имя его по сию пору покрыто тайной, слово «сфинкс» – греческое и, конечно, ложно по сути. Вот я и величаю его тетраморфом.

Впрочем, он не скрывал, что, по его сведениям, с этой стороны основания должны находиться неизвестные эпитафии. В этом он не ошибся. Дней через десять в предрассветных сумерках мы, поминутно озираясь на скрипевшую деревянную опалубку, подпираемую десятками тысяч пудов песка, решились обследовать тридцать аршин огромной коренной плиты. Верёвочные лестницы исчезали в тёмной щели колодца, мы настороженно дымили трубками на краю провала, ожидая, пока солнце блеснёт над горизонтом, чтобы пролить немного света вглубь расщелины. Лишь на рассвете и перед закатом имели мы по четверти часа, когда свет достигал дна, откуда я титаническим усилием воли заставлял себя не смотреть вверх, опасаясь поддаться панике беспомощного существа, зажатого и копошащегося между хлипкими креплениями и туловищем чудовища. Три дня спустя, скрипя зубами от гнева и песка, мы вынуждены были признать, что следы довольно свежих сколов свидетельствуют о том, что хотя Карно и оказался прав, но некто поработал здесь до нас не так давно. Письмена кем-то оказались предусмотрительно сбиты – и исчезли. Карно грешил на англичан, но я припомнил ему такую же практику самого Шампольона, увозившего пуды сколов в Париж. Сколов, отметил себе я. Не списков.

И второе задание – выследить Хаима Цфата, Прохор исполнил превыше похвал. На третий день мы знали не только, где тот обитает, но и время, когда он и его прислуга отлучались из дома – первый всегда в генизу, прочие на базар или в синагогу. Из того, что Хаим всегда уходил налегке, а возвращался зачастую со свёртком, мы сделали вывод, что он пополняет свою коллекцию документов, а не просто переписывает или запоминает нужное. Я горел желанием как можно скорее осмотреть собрание, но, конечно, не похищать ничего, а лишь ознакомиться с научной целью.

– Я отпишу в Палату мер и весов, чтобы вашим именем назвали эталон нравственности, – положил Карно мне руку на плечо. – С вас всего сто франков. Я горжусь вашей дру... – он убрал руку за спину, – нашим соседством.

Он предложил мне учинить обыск позднее, чтобы не спугнуть искателя древних манускриптов, пока тот не накопит весь ценный материал.

Прохор таким решением остался недоволен:

– Судите сами, я коли у вас стал послом при правительстве, то филерить за ним мне времени нету. Значит, надзирателей, чтоб караулили, надо трое, каждому, если смыслённый, по тридцать пять копеек в день – одних расходов на рубль. А взять бы его – да потрясти!

– Так он испугается и вовсе ничего не скажет, – возразил я. – Сами же мы ничего не узнаем, там дело каббалой пахнет.

– Так каббалиста надо вдвое против обычного потрясти – и скажет, – убеждал Прохор, приложив руку к сердцу, но получив твёрдый отказ, ругаясь, ушёл нанимать караульных.

– Тоже интересуетесь исполинами? – Карно подобрался тихо и заглянул мне через плечо.

Шёл девятый день раскопок юго-западного угла. Под плетёным навесом, прикрытым подобием балдахина, где мы устроили кухню, столовую и кабинет, я остановился на весьма примечательной книге, одном из тех прекрасных экземпляров, что собрали мы в его доме.

– С чего вы взяли? Просто листаю альбом. Переплёт выдаёт в нём уникальность, ручное творение. Не удивлюсь, если вы единственный его обладатель. Он ведь не издавался? – Француз слегка кивнул, явно польщённый. – Прекрасные работы. А кто рисовал?

– Это – мой альбом времён республики и империи. Рисовали разные люди, с Бонапартом всегда отправлялось немало молодых талантов. В числе том и я... Кое-что изображено с фризов, капителей и алтарей. Я мечтаю когда-нибудь издать его. Но нужен богатый меценат. Вроде вас. Или хотя бы вашего князя Гагарина.

Он, как обычно, намекал на что-то, чего я уловить, увы, не мог.

– Значит, это *вас* интересовала битва богов с титанами?

– Это не титаны, конечно. Гиганты. – Он перелистнул обратно. – Вот три мойры сокрушают Агрия. А тут Афина бросает Сицилию на бегущего Энкеладоса. Неужели не узнаете юного гиганта в лицо?

– Оно довольно равнодушное, словно малый только что отобедал и спешит вздремнуть, а жена бежит за ним, чтобы он наколот дров, – ответил я. – Он по сию пору похоронен, но жив. Греки землетрясения связывают с его именем.

– Да, потому что боги не могли умертвить гигантов, предположительно, имея с ними различную физическую сущность. Посему убивал их смертный Геракл – стрелами, пропитанными ядом гидры. – Он помедлил и приблизил своё лицо к моему. – У вас это не вызывает никаких аналогий?

Мы пролистали несколько картин. Мне казалось, что он переводит взгляд со страниц на меня и обратно в попытке уловить изменения на моем лице.

– А кто это? – я указал на крылатое существо, и Карно рассмеялся одним ртом.

– Имя ему Паллант. Вообще, многие из гигантов обладали крыльями. Но не только.

– Почему вы перешли на шёпот? Сфинкс услышит? Он тоже?.. – подмигнул я.

– Боги... ну, или греки – не могли уразуметь, как гиганты перемещаются, они объясняли это наличием крыльев или строением их ног из змей. Гигант мечет скалы, а ноги-змеи сами несут его к цели. Диодор Сицилийский...

– Что – Диодор Сицилийский? – раздражённо переспросил я, видя как он умышленно замешкался, неловко возясь с кувшином лимонада.

– Проживал на Сицилии несколько позднее ссоры того гиганта с... Не изображайте из себя Афину, Рытин, альбом уникален, как и моя голова! Так вот. Он писал о Скифе, основателе племени, жившем далеко на севере... или на юге, это кому как. Иже бяша до пупа человек, останок же его наподобие змеи обретается. Бляшку, изображающую мать его, змееногую богиню земли, нашли в одном из курганов. Куль-Оба, вы ведь слышали?

– Нет! – бодро солгал я. Он кивнул, удовлетворённый.

– На самом деле они могли шагать даже сквозь землю, – продолжал нащупывать он.

– Каким же способом?

– Говорю вам, они имели иную природу. Впрочем, та природа не придавала им бессмертия. Телесного бессмертия.

– Вы излагаете так, словно греки зрели этих существ как дело самое обыденное, и лишь кое-что вызывало у них вопросы. Ну, например, ноги-змеи.

– Они видели их, конечно. Тут можете не сомневаться.

– С чего вы так уверены? Может и сами, проводя раскопки какого-нибудь акрополя на Сицилии, докопались до Энкалада?

– Когда бы вам довелось видеть нечто подобное, – резко оборвал он, – вам стало бы не до смеха.

– Греки считали богами себя, а гиганты олицетворяли галлов и несомый ими хаос, – ответил я отстранённо, дабы в порыве спора не проговориться о главном, пока он не проговорится о своём.

– Вот вы и объяснили *мой* интерес к гигантам – чтобы разрушить сие несправедливое сравнение, – поспешил он довольно расхохотаться уже в полный голос. – Времена меняются. И хаос теперь царит в Греции, а галлы возвысились и по мере сил упорядочивают мир.

– То есть миф изначально ложен, и победили на деле исполины? – рассмеялся я ему в тон.

– Историки меняют выводы и даже сами причины, используя один и тот же факт. Вот, вы залезли ко мне в буфет и видите изобилие чая и немного кофе. Какое заключение вы обо мне сделаете?

– Вы любите чай, поэтому запасаете его.

– Нет, я предпочитаю кофе и расходую его, а чай почти не трогаю. Но, дорогой мой коллега, – вкрадчиво промурлыкал он с лукавой ухмылкой, – если мой интерес мы худо-бедно смогли объяснить, то что в основе вашего?

– С чего взяли вы, что я питаю к сему интерес?

– Вы не могли спутать титанов с гигантами, для такого образованного юноши сие немислимо, – он ядовито растянул губы.

– Это дело между французами и греками. Русских тогда ещё не народилось, – попробовал я опять обратить всё в шутку, но он настаивал:

– Греческий мир в те поры захватывал и часть полуденных равнин нынешней вашей империи. – Я насторожился. – Возможно, я ошибаюсь, но в России интерес к этому велик. Видите ли, гигантов боги преследовали по всей земле. – Он остановился и посмотрел, понимаю ли я его, как того хочет он. – Битва шла по всей тогдашней Ойкумене, – подчеркнул он и, словно это могло что-то доказать, стал переключать страницы. – Вот, Алкионей: не имея возможности убить его в месте, где тот был рождён, Геракл прикончил его в Беотии. Посейдон бьёт трезубцем Эгеона во Фригии. А вот сей же, погребавший Полибота под островом Кос. О Сицилии я уже говорил? А о Сицилийском Диодоре с его Скифией?

– Что ж, в наш век галлы страдали что в Египте, что в России, – не отвечая на его настойчивость. – Старые легенды продолжают сбываться.

– Если продолжить линию ваших суждений – они несли порядок, разум. Но что, если миф вывернут наизнанку победителями? Бонапарта союзники победили, но убеждены ли вы, что это к лучшему? И разве победители в нашем мире всегда на стороне добра? Может, история, которую они пишут, только провозглашает их таковыми?

– Мысль сия не нова, – отрезал я. – Цивилизация противостоит хаосу, но как боги для уничтожения гигантов не могли обойтись без грубой силы смертных людей, так и праведнейшие цари вынуждены прибегать к насилию, не в силах совладать с варварами кодексами.

– О, да! – воскликнул он. – Вопрос только в том, кто из противников есть варвар. Чаще всего это определяют последующие историки. Но проигравшие историй не пишут.

В последующие за тем недели мы под землёй обошли все стороны сложившего свои крылья исполина, везде натываясь на матёрый известняк, с которого предшественники тщательно сбили остатки всех начертаний, где таковые имелись.

– Что скажете? – спросил я как-то вечером Карно, когда мы наблюдали закат на фоне равнодушного лика каменного чудовища.

Карно поджал губы:

– Мегемет Али может разочароваться в негоцианте Хлебникове, на которого выписан фирман. В нём сказано, что находки подлежат паше по праву первого выкупа. А у нас их нет. Могут подумать, что мы утаили найденное. Здесь редкий дурак уходит с пустыми руками. А давайте свежём отсюда всего Сфинкса целиком? Кому лицо, а кому зад – разыграем в орлянку.

Хвост пыли от летящего кометой скакуна не дал мне съёрничать в ответ и заставил обоих нас схватиться за трубы. Но то мчал Прохор, по-казацки пригнувшись к шее гнедого красавца кохейлана, на лбу которого между разными побрякушками и стразами висел голубой камень против сглазки, или *cattivo occhio*, как называют её левантийцы.

– Хаим снялся с постоя и исчез! – крикнул он. – Собирайтесь.

Решение никто не оспаривал, волею вещей складывалось так, что мы обязаны догнать и обчистить беглецов. Верблюды наши, однако не обладали резвым аллюром. По счастью, Прохор, предвидя это, отдал распоряжения надзирателям вызнать если не путь, то хотя бы направление бегства.

– И так понятно, что конечный их пункт – Дамаск, – пытался успокоить я всех. – Если не нагоним сразу, попросту двинемся туда.

– Попросту? – взвился Карно. – У меня другие планы, мой друг, кроме того, грабить в городе хлопотно, да и рукописи могут перепрятать – ищи потом. Нет, наш шанс только в пустыне.

Соглядатаи Прохора проследили беглецов до самых дальних окраин, но мы никак не могли решить, какой путь – по морю или по суше избрали те.

– Они двинутся пешком, – процедил Карно, щурясь в пыльную даль. – Их мало. С ними проводник из местных.

– Морем, – предположил я, – безопаснее. – Если они сговорились с корабельщиком заранее, то, имея фору, останутся вне досягаемости для преследователей на всё время пути, в котором могут спокойно заниматься документами.

– Как они могли сговориться заранее? Он не мог знать, когда отыщет последний нужный ему манускрипт.

– Телеграф, – ответил я, показав на крылатую вышку на далёком холме из песчаника.

– Ваш семьдесят третий никогда, – медленно проговорил француз, – не станет рисковать в море такими ценностями.

– Сейчас море спокойно, – возразил я.

– Пустыня! – рявкнул он, но потом смягчился. – И караванный путь на Газу только один.

Сетуя на его беспримерное упрямство, но не имея возразить, я только со злобой стегнул коня.

К закату первого дня пути мы получили, наконец, долгожданное подтверждение того, что небольшой отряд сменил бесполезных лошадей на верблюдов и спешно покинул последнюю перед пустыней деревню. Они опережали нас на пять или шесть часов. Прохор потребовал дать лошадям отдых, прежде чем ночью мы двинулись следом. Карно объявил, что бессмысленно пытаться догнать верблюда на верблюде и предложить использовать превосходство в скорости коней, чтобы настигнуть беглецов не позднее следующего ночлега, иначе лошади полягут и не смогут более скакать. Воды и припасов взяли мы только на двое суток, и в лунном свете снова пустились в погоню.

В полдень с холма я различил в трубу караван Хаима, до него оставалось версты четыре, но они уже поднялись на седло перевала, куда нам ещё только предстояло взобраться. Они спешили, будто знали, что за ними идёт охота. Ещё через четыре часа они уже видели нашу кавалькаду. Изюмной мочи они старались скрыться в стремительно надвигавшейся ночи, близость добычи придавала сил нам, но не нашим лошадям. Тени гор уже поглощали беглецов, а животные наши, храпя, еле плелись, и тогда Прохор решился на отчаянный шаг, без предупреждения застрелив одного из верблюдов, навьюченного бурдюками с водой, и я в который уже

раз подивился, какая искра воспламеняет порох его решимости и смётке после недель меланхолии. А случилось вот как. С равнины мы давно не видели преследуемых, тогда Прохор, убедив нас, что без отдыха лошадям всё равно не одолеть грядущий подъем, пешком отправился на ближайший холм. Карно двинулся следом. Вернулись они, ожесточённо споря каждый на своём языке, но очевидно понимая друг друга. Француз убеждал прибавить, а там – хоть бы и загнать лошадей, ассистент мой охлаживал его вопросом, кто платить будет за падёж. Всё же мне почудилось, что он внял уговорам Карно, потому что немедленно седлал коня и бросил его вперёд, объяснив мне, что до Хаима не более двух вёрст. Однако не проскакали мы и полуверсты, как он вдруг осадил коня и вмиг спешился, бросившись к краю уступа, на котором оказались мы. Никого и нигде я не мог видеть, Карно кричал, требуя спешить в стущавшейся ночи, но Прохор молча поверял ружья и устраивался поудобнее. Я осознал его точный замысел, лишь когда в расщелине между прикрывавшими тропу скалами появился караван беглецов. До него было сажень полтора, на выцеливание у Хлебникова имелось не более полуминуты, но он справился с первого выстрела. Местные погонщики тут же повиновались, сев на землю рядом с поверженным великаном, но лишь после второго выстрела, доказавшего, что шутить мы не намерены, Хаим остановил изнурённый свой караван. Пока Прохор держал их на прицеле, а пуще того, следил, чтобы они не спрятали ценных манускриптов в камнях, мы с Карно проскакали крюк в лишнюю версту, и тогда я вполне осознал точный расчёт секретаря, выбравшего единственно верное место для перехвата на всём пути. Когда сумерки уже охватили предгорную долину щупальцами теней, вытянувшихся от острых вершин, он неспешно подтянулся на своём удивительно свежем скакуне.

Погонщики, стая, ходили меж двух трупов и сетовали на утрату выючных животных, я предложил им взамен денег, но они, по обыкновению людей восточных, поняли моё сочувственное движение как слабость, и принялись, крича, доказывать справедливость двойной цены. Прохор, не остывший ещё от своей охоты, замахнулся на них прикладом, и те сразу стихли, бормоча что-то себе под нос. Карно уже рылся в тюках Хаима.

– Как ваш визит в Каир связан с тем рисунком, что я вам показал? – спросил я сразу.

– Вы поступили бесчестно, не исполнив обещания открыть нам место обретения того рисунка, – ответил иудейский учитель, – не обмани вы нас, мне не пришлось бы преодолевать тягот враждебного пути.

Карно с удовольствием наострил уши и ухмыльнулся.

– Вы не объяснили мне, зачем вам эти сведения. Не изволите ли поведать сейчас?

– Теперь это уже не имеет смысла. А наш уговор более не действует.

– Если бы тогда я открыл вам обстоятельства, при коих эпитафия оказался в моих руках, как поступили бы вы?

– Возможно, никак. Ответ зависит от вопроса, – презрительно бросил он.

– Что же удалось вам выяснить?

– Теперь это всё в ваших руках. Незачем разбрасывать все вещи, – говорил тот, – скажите, что вы ищете, и я отдам вам это.

– Ты и сам знаешь, что ищут археологи в карманах у историков, а масоны у каббалистов, – бросил Карно, – Но даже если ты отдашь украденное из генизы, я должен убедиться в том, что ты не утаишь чего-нибудь. Так что другого способа нет. А коллега обыщет тебя самого.

– Но я не крал! – вскрикнул Хаим Цфат.

– Но я не жандарм! – вспыхнул я одновременно с ним. – И не намерен...

– Так вы до Страшного Суда будете раскланиваться, – заметил Карно, развязывая последний увесистый мешок, из которого посыпались превосходные сухие дрова.

– Давай, барин, я, – притворно вздохнул Прохор, поплевав на ладони, и через мгновение извлёк из-под одежды Хаима туго перетянутый свёрток. – Важная, поди, вещь, – хохотнул он.

– Напрасно вы вмешиваетесь в то, что вам неизвестно, – предостерег меня Хаим, играя скулами от нескрываемой досады.

– Обещаю изучить ваши находки и после выслать их вам в Дамаск, – сказал я, чувствуя себя прескверно и с трудом выдерживая его пронзительный взгляд, в котором, однако, не заметил и намёка на ненависть, а лишь сожаление о проделанной впустую работе.

– Если останетесь живы после изучения, – ответил он незамедлительно. – Или – до. Берегитесь: ночью ползают ядовитые гады.

– Слышал, Прохор? Держись от господина Карно подальше.

Прочие расспросы решил я отложить до утра. Мне нужно было собраться с мыслями и силами.

Странной могла показаться совместная та ночёвка, но так безопаснее на случай нападения грабителей сильнейших, и мы вместе вскипятили кофе и поужинали рисом и финиками, а после принялись расстилать свои одеяла в некотором отдалении от туш несчастных животных.

– Как бы они не перерезали нас, – шепнул Прохор, точно знал, что я собрался поразмышлять о некоторых чертах его характера.

– Ножи отбери.

– Передушат... Камнями перебьют, – не мог решить он.

– Утопят, затопчут верблюдами, похоронят заживо... заговорят, – предложил я, но он не понял.

– Может, связать? За ноги, как лошадей?

– А если бедуины нападут? – предостерег я. – Что это у тебя в кيسете?

– Воду кипятили – один из них подошёл и сглазил, – сообщил он, – или кинул чего. У меня свой чайк припасён.

После, так чтобы он видел, я умышленно медленно выпил и кофе и его чайк.

Запах знакомых трав тревожил какие-то старые воспоминания о давно покинутом Отечестве. В свете догорающих углей Карно перебирал найденные документы, после осмотра каждого делая глоток из фляги с вином. Я незаметно падал в дрёму, и казалось, что просыпался несколько раз, видя Прохора, беззвучно трясшего Хаима и совавшего ему под нос тугой свёрток с неизвестными письменами, но очнувшись вдруг утром, обнаружил, что иудея и его провожатых простыл и след. Я поднял обоих своих спутников.

– Вязать надо было, – хмыкнул Прохор. – Да ну и пёс с ними.

– Как бы не так, – сказал я. – Могут обвинить нас в воровстве, а местным жителям для этого свидетелей не требуются. За кражу и в Одессе полагается кнут, а тут и вовсе отсекут руку.

Карно в нашем разговоре участия не принимал, он сразу бросился пересчитывать манускрипты, и к радости своей обнаружили, что ни одного не пропало. Самый, по общему мнению, ценный, Прохор с удовольствием извлёк из-за пазухи, никак не желая с ним расставаться. Француз протянул к свёртку руку, но Хлебников отдёргнул её и убрал за спину. Древность ветхого папируса, который невозможно разделить без опасения повредить безвозвратно, казалась сомнительной, но он перекочевал в мою чересседельную суму.

– Но это я придумал его обыскать! – запротестовал Жан-Луи, зная, что ничего тем не добьётся, а Прохор только плюнул в сторону верблюжьих туш, от которых уже начало потягивать смрадом.

Карно я, конечно, не доверял, рукописи мы поделили надвое, свиток Прохора, это яблоко раздора, присоединили к моей части добычи, при этом француз лишь усмехнулся, но спорить не стал, заносчиво заметив лишь, что ему и половины хватит, чтобы нащупать смысл целого. На это я парировал, что Хаим смысл и без того знал, да только не зря приехал собирать целое из кусков. Впрочем, уговорились изучать всё вдвоём.

В деревне нас встретили настороженно, но, похоже, Хаим сюда не возвращался, да и мы не решились задерживаться дольше того, что было необходимо для пополнения запасов воды.

– Странное дело, что они сбежали, – тихо пробормотал Карно.

– Боялись, что догоним, так только хуже будет.

– На оставшихся четырёх верблюдах они бы ушли далеко от наших лошадей.

И то верно, кони еле плелись, утомлённые прошлой погоней.

– А каков ваш вывод? – спросил я, но вместо ответа услышал ещё один вопрос:

– Странное дело, что они сбежали, ничего не взяв. И сбежали не в Каир, где могли бы донести на нас.

– На это я и сам отвечу. Хаим читал многие эти манускрипты, и теперь имеет достаточно у себя в голове. Оставаться, чтобы мы выудили... чтобы вы – выпытали из его головы эти знания, он не желал. А в Дамаск он уехал, чтобы поскорее передать их кому надо. Сдаётся, что документы сами не имеют большой ценности.

– Ну, так отдайте мне, – буркнул он угрюмо.

– Конечно, отдам, – пообещал я так, чтобы до него донеслось обратное.

На привал расположились вёрстах в четырёх, а в Каир без спешки прибыли к вечеру другого дня.

Недели две исследовали мы ветхие манускрипты, некоторые из которых порой рассыпались у нас в руках. Скверная сохранность не позволяла читать их, но из разрозненных отрывков поняли мы, что Хаим искал упоминания последних сражений.

– Здесь есть указание на Мегиддо, в другом пергаменте упоминают Дамаск. Есть и ещё какие-то места, не слишком-то ясные, – подвёл итог Карно. – Мензале, например, я знаю, другие нет. Одно место как-то связано со Скандинавией, но возможно это Германия. В старых географических названиях легко ошибиться, и ещё легче вовсе ничего не понять.

– Неужели в годы битв высших сил существовал Дамаск?

– Это поздние сочинения, притом вторичные. Что-то вроде апокрифов. В генизе не могут храниться скрижали Завета. Много художественных оборотов. Их характер назидательный, как в Притчах. Писатели преследовали свои цели и ссылались на какие-то источники, общеизвестные для своего времени и утраченные в наше. То тебе Тит Ливий, то вдруг Диодор. Никакой системы. Да шучу, шучу, коллега.

– Но Хаим выбирал эти рукописи неспроста, – нахмурился я.

– Ему важно знать, что этих битв было множество.

На сём ложном выводе мне и хотелось пока оставить француза, ибо сам я понимал, что Хаим искал упоминания одного-единственного верного места, посему и увёл рассуждения в сторону. Я хотел оставить себе время на обособленные размышления, хотя понимал, что откройся мы взаимно, то могли бы скорее и вернее нащупать нужный путь. Беда, что никто не торопился делать этого первым, боясь сделать ход главным козырем.

– Это простая мысль. Война обычно состоит из многих баталлий, некоторые из которых противоположны по исходу. Трудно представить, что противные силы собрались в одном месте, чтобы сразу решить дело – и никто не отлынивал и не опаздывал. Битва народов не означает, что у Лейпцига собрались бесчисленные толпы французов, русских, шведов и немцев с чадами и скарбом.

– Будьте серьёзны, Рыгин, – сказал Жан-Луи, словно это не я призывал его к тому же. – В древние времена исход решался обычно одним главным сражением, и победители стремились истребить всех побеждённых, не давая пощады даже чадам.

– Но в нашем случае, по-вашему, не так?

– Не так. Некие колена, или, если угодно, расы, расселились по земле, и кто-то открыл охоту.

– Силы света и тьмы? – настаивал я.

– Я бы поостерегся употреблять такие слова. Они не прояснят вам картины, а лишь искажат неизбежным отождествлением вас как исследователя с первыми.

– Я прежде всего учёный. Эпиграфист.

– Все желают дружить с хозяином лошади, которая побеждает, – усмехнулся он.

Один из документов, со всеми предосторожностями извлечённый из недр Прохорова свитка ещё третьего дня, насторожил меня, и теперь я решился спросить своего опасного коллегу.

– Необычайно интересно, – проговорил я. – Умеете вы прочитать это?

Он с недоверием пересел на мой край, чтобы не брать в руки папируса, грозившего раскрошиться.

– Почему же вас заинтересовало сие письмо?

– Язык мне неизвестен, а знаки знакомы. Вы видели его раньше?

– Говорят, это знаки письма... – он запнулся, – библейских исполинов.

Я вздрогнул.

– Рефаимов? – уточнил я.

– Вы ведь не интересуетесь ими? – он усмехнулся и воззрился на меня со злобой превосходства, словно он был этим самым рефаимом, а я неправедным хананеем. – Где же, интересно, могли *вы* повстречать эти письма?

Чтобы не упоминать валунов из Арачинских болот я рассказал о находках в Гелиополисе.

– Никто не сумел прочитать, – вздохнул Карно, и мне не удалось уличить его в неискренности. – Язык редкий и эпиграфов на нём мало, это вам не иероглифы.

– Иисус Навин со своим воинством позаботился о том, чтобы нечестивое семя вместе со всеми предметами их быта истребить навеки. А если бы их было больше, вы бы взялись за прочтение? У меня есть кое-какие зарисовки из Баальбека.

– Кое-какие?

– Их существует больше, но я нашёл их уже почти в темноте.

– Почему же не продолжили утром?

– Спешил в Дамаск.

– Нет, вы положительно интересуетесь исполинами. Вспомните, гигантов преследовали по всей земле!

– Вы снова о своём.

– Что поделывать, тут дело нешуточное.

– Оно каноническое. И ещё в большей мере апокрифическое.

– Я размышляю о том, откуда вы могли о них слышать. Древнееврейского первоисточника вы не читали. Вульгата и библия короля Якова переводит рефаимов просто «гигантами». Впрочем, кажется, они упоминаются в списке племён, но без намёка на их сущность... А-а! Септуагинта. Я угадал?

– Не терзайте себя, я читал славянский перевод, который используется в нашем богослужении. Это существа довольно загадочные.

– Ещё более загадочными их сделали переводчики. То же слово пишут и как «мертвецы», так что о истинной сущности рефаимов без подлинной книги не догадаться. Странно, правда? Вообще же в еврейском языке слово это значит «призраки». Нет, вам это не безразлично. Иначе что занесло бы вас в Баальбек?

– Туда меня занесли люди шейха Антеша, когда меня занесло в Леджу преследование моих коллег по науке.

– Бальзам на душу. Повторяйте почаще. Я всегда рад слышать, что не я один подвергаюсь гонениям. Дадите поглазеть на ваши баальбекские каракули?

– Сколько угодно. Даже место опишу, где их нашёл. Ломайте голову, сколько влезет. А мне там чуть не проломили голову камнем, пока я рисовал. Но уговор: о результатах сообщить первому мне.

– Я вас обману. Скажу, что ничего не выяснил.

– Ваше тщеславие подведёт вас. Вы это на всю Европу закричите, так что же, я не услышу? Итак, ещё раз: кричите, но мне первому. Думаете, я не понял, почему за вами охотятся? Сболтнули лишнего о своих находках, да ещё кое-что приукрасили, ложно дав понять бывшим сообщникам о неких тайных выводах. А может, и не ложно.

– Да, гордыня – моё сокровенное имя, – не без гордости признал он.

– Так вы сами верите в исполинов?

– Я работаю с документами, – сварливо ответил он, из чего я сделал вывод о том, что ему кое-то не безразлично. – Я верю в существование письменных и устных преданий, мне этого достаточно. Один араб, Ибн Фадлан, путешествуя по Хазарии видел скелет исполина метров шести по-нашему. Но признайтесь хотя бы мне! Вы ведь испытываете приязнь к вашему необузданному Святославу, а не к цивилизованным хазарам, истреблённым этим диким язычником. Так вот знайте, что вы в таком разе стоите на стороне зла. И никто вас не сдвинет, потому что вы, как историк, придумаете сто причин, по которым каганат следовало уничтожить как можно безжалостнее.

– Может, когда-то это имело место, но не теперь, – отверг я. – Моя задача – беспристрастно изучать факты. А хазары – почти что миф.

Проخور произвёл последние счёты с работниками и теперь выучил тюками наших животных, которые, зря надеявшиеся на скорый сон, ревели и мотали шеями. До темноты у нас оставался час, и нам как раз хватало его, чтобы проделать десять вёрст до жилища на окраине Джизы.

– Каков ваш дальнейший план?

– У меня их много. Двинуться в Вавилон на раскопки башни. Вы со мной целиком или вышлете золото?

– К чему вам? Сороковой этаж возводили из чистого сапфира. Заодно долг вернёте.

– Ах, вы всё это давали в долг! Знаете, какой величайший секрет тамплиеры привезли с Востока, за который их истребили и за которым все охотятся?

– Его любой верблюд знает, на то он и величайший.

– Не ёрничайте. Это формула расчёта сложного процента. Европе он был неведом, а на Востоке... ну, вы меня понимаете, – он почесал под ухом. – Ваш голодный верблюд позавидовал бы бешенству Филиппа Красивого, когда тому объяснили, что он задолжал втрое против того, на что рассчитывал. Дальнейшее известно. Несчастный Жак Молэ отправился на костёр, а молчал он не потому, что ему отрезали язык, а потому что сам не умел объяснить этой формулы. С той поры все ищут секрет. А он преспокойно лежит у каждого в пустом кармане. Так что не напоминайте мне больше о долге. Иначе мне придётся вас убить и стать вами. Да это в порядке вещей. Я сделаюсь русским боярином, всё равно ваши аристократы грамотно говорят только по-французски. Я смогу прослыть грамотным боярином.

– А может вы и убили настоящего Карно, и сейчас – уже он? – заметил я.

– Возможно. Но вам-то что надо? Вам нужно не тело Карно, а выводы его разума.

– Ошибаетесь, мне нужны его знания древнееврейского.

– Десять тысяч олухов читают по-древнееврейски. Айда в Александрию. У меня есть одна мысль, поделюсь, когда приедем. Ковырять свитки вы сможете и там, а я попытаюсь препарировать ваш баальбекский язычок. А не понравится – оттуда можете вернуться в свой затхлый Бейрут в пять дней. Здесь всё кончено.

5. Беранже

По лестнице влез я на плоскую террасу, которые заменяют здесь крыши, с неё на соседнюю и на следующую, и подо мной открылась приморская часть Александрии, коса Фароса, и самое здание, где по приглашению Птолемея семьдесят два запертые в карцеры толкователя перевели Библию на греческий язык. Обелиск Клеопатры, сады и рощи тропических деревьев, белые стены городских зданий – с другой стороны озеро Мареотское, колонна Помпея, опять сады, рощи пальмовые, и крепость, выстроенная Мегметом Али в самой возвышенной части Александрии. А она простиралась предо мной как на ладони, эти массы групп белых зданий в зелени пальм, сикоморов, платанов, бананов, кактусов – как-то особенно магически действовали на воображение, что я надолго застыл в восхищении, озирая Нил от горизонта к горизонту.

Какие-то люди глядели снизу на моё место, потом вереница их медленно стала взбираться ко мне. Несколько писем получил я утром в английском консульстве, заботливо пересланные сюда Шассо из Бейрута, и теперь, удобно усевшись на плоский камень, разворачивал драгоценнейшее из них от моей княжны.

Сколь счастлив был я узнать из первых строк, что писано сие накануне отъезда Анны и княгини из имения в Петербург, столь же тревожным стало известие, что князь Прозоровский и сам, оставив дела на Евграфа Карловича, решился на сей раз не разлучаться с семьёй: как бы не навлёк ли неугомонный князь беду и на свой столичный дом. После я долго успокаивал себя: ведь не враг же он своим дражайшим существам, верно, продумал Александр Николаевич всё до мелочей. В голове моей уже рождалось целое ответное сочинение, и сожалел я о том лишь, что путешествовать до Петербурга и обратно мыслям нашим и чувствам придётся теперь на две недели дольше.

Из пакета выпала бумажная иконка Николая-угодника с молитвой на обороте. Словно юная княжна чувствовала, к кому придётся мне обращаться вскоре горячие свои упования.

Из-за поворота в полусотне сажений ниже от меня понемногу продолжала выступать процессия, странной подтянутостью удивившая меня совсем недавно. Я уже готовился уступить своё одиночество их сосредоточенной готовности созерцать окраины, как начальник их, подойдя ко мне в сопровождении свиты, назвал моё имя. Что-то недоброе звучало в его равнодушном голосе. Через миг я, уже окружённый стражей, ступал в неизвестность, и ни султанский фирман ни заверения в подданстве государю ничего не изменяли в молчаливом почти траурном шествии.

Первые два или три дня полагал я, что указы Дивана ничтожны в областях отложившегося вассала. Может, то и имело место, но вскоре я осознал: силы более влиятельные, нежели все трактаты, пришли в движение.

Ни высоких стен, толщиной подобающих крепости первого разряда, ни мрачных сводов под башнями, ни подземных ходов или унылого позвякивания цепей страдальцев – того, что поражало воображение в прекрасном романе Гоппа – ничего из того не существовало на деле в остроге, куда поместили меня по незаконному приказу местного паши. Ещё с грустной иронией вспоминал я дни скуки и блужданий в Константинополе в ожидании ветра, когда занесло меня в адмиралтейский острог, куда я, любопытства ради, проник даже за умеренную плату, чтобы проникнуться духом «Анастасия».

На деле там и здесь обширный двор с полутора сотнями несчастных и дюжиной сидевших на грязных циновках солдат окружала давно не чиненная стена, в коей некоторые обрушения кладки оказались замазаны потрескавшейся глиной – нимало не выше ограждения заштатного нашего монастыря. Здесь не слышал я воплей терзаемых мучеников – вялая тишина безысход-

ности давно возобладала над мгновенными страданиями под пыткой в бесконечности однообразного ожидания выкупа или смерти. Турки разговаривали вполголоса, всегда столь шумные арабы здесь общались полущёпотом, отчего напоминали заговорщиков. Иногда казалось мне, что выделявшиеся среди всех гордой поступью горцев албанцы Румелии, взирая на это опустошение, надменными улыбками своими обозначают привычную радость их воинства от усеянных прахом развалин покорённых областей. Многие из них посланы были много лет назад их верховным визирем в тюрьму единственно лишь за отказ сменить свои неповторимые фустанелы на безликие облачения воинов султана.

Преступники гуляли или отдыхали; утром и вечером – на солнце, днём – скучившись в клочках куцей тени. Кроме моих ног, перевязанных верёвкой на ширину полушага, все прочие сковывали кандалы, иной раз объединяя короткими цепями пару несчастных в единый организм страдания. Я иронически приписывал такую привилегию недостаточности оснований для моего заключения или капитуляциям, освобождавшим подданных европейских держав от покушений любой местной власти. Однако все мои на них ссылки и протесты не имели воздействия: меня не понимали или, питаемые злым умыслом, не желали слышать. Тщетно обдумывал я побег из тюрьмы, готовый, казалось, обрушиться под первым же сильным порывом ветра: за мной зорко следили. Я легко мог убедиться в том во время молитвы. Несмотря на лишения, покорные постулатам фатализма и послушные невидимому зову из другого мира, пять раз в день все безропотно склонялись к земле, и тогда уходил я за согбенные спины, получая двор в единоличное своё распоряжение, но не было мига, чтобы хоть один из охраны не заступал мне за спину в почтительном отдалении.

Впрочем, даже выбравшись за стены, куда мог я податься? Затеряться в толкотне ближайшего селения русскому немислимо, а сколько и в какую сторону идти до европейских жителей, я не представлял. Ведь заточили меня не в Александрии. Первые сутки двигался я верхом на верблюде ещё как почти вполне свободный гражданин, лишь в окружении конвоиров, и по солнцу счёл, что идём мы на восток. Я ещё надеялся на справедливый суд и объяснения, но другим утром вне близости уже какого-либо свидетельства и закона меня поместили в подобие крытой кибитки, и так продержали два дня, выпуская только на привалах, и тогда совсем потерял я счисление вёрст и градусов. Да и чем помогло бы мне это знание? Если закон и капитулы попораны единожды – никто не помешает моим преследователям нарушить их вторично. Вот только кто они, ввергнувшие меня даже без видимости суда в земную преисподнюю?

На самом вершине списка возможных негодяев обретался, конечно, последний мой знакомец Жан-Луи Карно. Вряд ли у меня имелось достаточно разумных оснований выгоды для него моего заточения, но он подозрительно удачно отлучился за три дня до моего ареста и с тех пор никак себя не проявил. Случилось это сразу по приезду, и объяснил он своё исчезновение необходимостью осмотреться на предмет выявления своих врагов. Трудно представить, чтобы деньги могли стать его мотивом, хотя при некотором усердии он смог бы добраться до изрядной их части. Другой его возможный резон – тот свиток Хаима, который изучал я единолично и на который так блестяли глаза моего компаньона. Я ничего ещё не открыл ему о своих прошлых находках и догадках, но нуждался ли он в моих сведениях, или уже достаточно вызнал, чтобы судить о главном и желать устранить в моем лице конкурента – на время или навсегда?

Вторым стал, собственно, сам Хаим Цфат. Не дожидаясь нашей гибели от зловредных начертаний, и рассадив по темницам меня и моих товарищей по несчастью, он мог бы вновь завладеть так нужными ему манускриптами. Сам с такой задачей этот непутёвый учитель справиться бы не мог, но сила и влияние иудейских общин общеизвестны.

Но и у иных участников моего запутанного приключения в Леванте находилось не менее интереса отстранить меня от дел, возможно, даже воспользоваться моими находками так, как я не догадался применить их. Не сбрасывал я со счетов ни Голуа ни Карнаухова – оба они

не оставили своих чёрных помыслов в отношении меня и того, чем я владел – теперь бы они могли порыться в моих раритетах спокойно и без стеснения.

Доходило до того, что размышлял я вполне серьёзно о кознях моих научных противников в академиях, одновременно вполне сознавая сумасшествие сих измышлений. Злую шутку сыграло со мной объявление Жасперу Шассо своего ложного местонахождения в Александрии, месте, которое призвано было скрывать мой истинный адрес, но волею рока обернувшееся чистой правдой. Любой негодяй, искавший меня, легко мог дожидаться моего визита за почтой к английскому консулу, а значит, единственная выгода, полученная мною от той опрометчивой лжи, находилась рядом с моим сердцем, имея вид жёлтого пакета с драгоценными строчками нежного почерка княжны Анны.

Порядочен Карно или дурен, заботиться ему обо мне уж точно не было никакого резона. Я, конечно, мог по-прежнему служить ему кошельком, но вряд ли он готов из-за денег рисковать своим разоблачением, тем паче что продажа всего нескольких старинных его манускриптов доставила бы ему необходимые средства. Если Прохор тоже арестован, а манускрипты похищены, то теперь уже и сам француз мог бы предположить, что мы от него попросту бежали, присвоив самые ценные находки. Если же Хлебников на свободе, то Карно не составит труда трижды обвести его вокруг пальца и завладеть всеми документами. Прохору же в таком случае, как видно, тоже не по зубам оказалось решение задачки моего исчезновения, впрочем, он смутно оставался в числе немногих, на кого я рассчитывал. Очень хотел я верить, что четыреста рублей, имевшихся у меня в саквояже, пустит он на мои поиски, а не на проезд до Одессы.

Как бы то ни было, готовиться следовало к худшему.

Не имея денег вовсе, я получал в день лишь около фунта хлеба и почти вдоволь воды – к моей радости довольно чистой и даже приятной на вкус – из-за близости хорошего источника или из-за вечной жажды. Отвращение к грязи и страх подхватить заразу побеждаемы были голодом, и с унылой завистью взирал я на торговлю и меню провизией, происходившую в мрачном коридоре, пронизывавшем единственное здание насквозь.

Ни единого франка и вообще христианина не нашёл я там, о чём пришлось мне жалеть, ибо преступникам в Турции дают пособие их церкви, и, соседствуя со мной греки, тяжёлое моё существование оказалось бы несколько скрашено. В больших тюрьмах имеются даже и храмы, а некоторые священники добровольно разделяют участь единоверных узников, заслуживая высоким призванием этим поклон всего мира. Но большая часть здешних невольников принадлежала к местному разрушенному оджаку янычар, осуждённых кончить свою жизнь в беспросветной работе в арсенале и курении трубки, без которой жизнь в Турции невысказима даже на каторге, так что я невольно проникся симпатией к этому по большей части преступному, коварному и жестокому сословию, совершенно изменённому заключением. Я размышлял, но так и не понял, почему в острогах нет мечетей, не потому ли разве, что не имеет смысла утешать существо, чьи злоключения предвечно начертаны в книге судеб?

Впрочем, особый немалый класс составляли люди, быстрота смены которых в крепости и самый их цветущий вид позволяли подозревать какую-то азартную незаконную игру. Узнал я весьма равнодушно, ибо слышал о том и ранее, что начальник тюрьмы держит в ней тех, чьё заточение оплатили ему их противники, по выкупу же, обязанному превышать размер первичного вознаграждения, уходят они восвояси, нередко заменяемые их соперниками в тяжбе. Таков устоявшийся порядок вещей, и законодатель вовсе не возбраняет подобных сделок.

Ветхое здание, уродливостью своею превосходящее душу Иуды, составляло всё наше укрытие от непогоды и холода ночи. По правилу, верхний этаж предназначался мусульманам, везде сохранявшим превосходство над остальными подвластными Порте народами, таким образом полагалось мне находиться внизу в одиночестве, но за недостатком мест некоторые чёрные кандальники из внутренних областей Египта помещались тут же, вызывая первое время мои опасения, граничившие с отвращением. Впрочем, оказались они обыкновенными

несчастливыми созданиями, отличными только лишь цветом кожи, но мне так и не удалось уяснить причины их осуждения, кажется, они и сами недоумевали по этому поводу. В свете этого вскоре уже видел я их более родственными себе, нежели прочих, ведь и мне самому не удалось добиться никакого объяснения моему заключению от начальника стражи. Отчаянные протесты мои оставались без ответа, несколько раз я в наказание оказывался несильно, но чувствительно бит по пяткам, после чего походка моя делалась неуклюжей и вызывающей беззлой смех невезучего братства.

По истечению трёх недель пустили ко мне греческого священника Афанасия, который обрадовался тому, что я русский, и горько сетовал на то, что общение между Александрийской и нашей церквями прерваны уже как полвека. Он сокрушался так, словно не я, а сам он находился в безысходном положении узника, и мне пришлось пообещать, что по освобождении я сделаю что могу, чтобы способствовать возобновлению сношений. На мою просьбу сообщить моё имя вице-консулу Лавизону, он лишь покачал головой, сказав, что тот, по его сведениям, отозван в Петербург по охлаждению отношений Государя к египетскому паше. Я посоветовал обратиться в другие посольства, памятуя, как сам действовал заодно с моими собратьями, агентами западных держав. Среди кровопролитий сирийских, в хаосе самой безнравственной администрации, какая может существовать в целом мире, великобританский и французские консулы усердно действовали заодно с нами, когда предстояло спасти христиан от насилий и угнетения. Опомнившись, Афанасий обещал дать знать обо мне в Александрию, своему знакомому тосканскому консулу, славящемуся покровительством русским. Тосканец же Россетти славится своим доброжелательством и стремлением услужить, желая выхлопотать со временем себе место генерального консула России при дворе Мегемета Али, коего, видимо, прочит в разряд суверенов. Священник первым и поведал мне, что прозябаю я в двух или трёх днях пути от Газы. Ранее же никто не желал или не мог по скудости познаний очертить место моего нахождения, хотя само наличие египетских узников говорило кое-что о юрисдикции моей тюрьмы. Впрочем, без толку.

Впервые удалось мне вкушать вволю еды, доставленной им, а вскоре несколько пар из пожертвованной им милостыни ненадолго скрасили моё ожидание надежды на освобождение чашкой аравийского нектара.

Не имея возможности занять себя какой-либо деятельностью, и не получив письменных принадлежностей, я мог развлекаться только размышлениями. И по прошествии времени я думал: а не сподобил ли меня Господь к сим злоключениям только ради того, чтобы мог я предаться рассуждениям о том, к чему в иной обстановке не имел бы времени? Конечно, все первые дни мысли мои кипели гневом догадок о неведомом злодее, заточившем меня в тюрьму. Но, не найдя положительного решения, и чувствуя уже, как схожу с ума, я с трудом заставил себя искать спасения в круге дум иного сорта.

Спасению моего рассудка обязан я обстоятельству обыска и вообще небрежного обращения с невольниками. Письма, как вообще все вещи кроме денег, оставлены были при мне, и их я перечитывал неоднократно, особенно послание Муравьёва с описанием хождений в Святую Землю. В тот роковой день ареста оказалось оно со мною не случайно, я взял его с собой, чтобы, имея досуг, прочитать ещё раз, глядя на него с переменившихся обстоятельств, хотя, конечно, не полагал, что обстоятельства могут обернуться столь драматично, если не сказать театрально.

Итак, я долго перебирал в уме, что же всё-таки тревожит меня при упоминании Египта. Подлил воды и Афанасий, упомянув в своих сетованиях странствование Арсения Суханова. Нелёгкое и в наши дни, сколь сложным это путешествие могло казаться в те поры, и стоило ли ради нескольких золотников андрагрыза, как называли некий мужской корень, для царской лекарни, предпринимать столь трудный путь. Нет, за всем этим крылось нечто иное. Прошло немало времени, прежде чем на меня нашло просветление: русские поклонники посещали Еги-

пет. Конечно, не все они, но описанные Муравьёвым – непременно, и это никак не могло оказаться случайностью: он избрал только те из походов, которые относились к этой земле, ибо сам я помнил о немалом числе и других. Но с какой целью он так витиевато давал мне знать о сём факте, вместо того, чтобы выразить одной простой фразой? Написать открыто означало сообщить не только мне, но и прочим нежелательным читателям его письма, что он догадался о потаённой сущности дела. Он явно боялся кого-то весьма могущественного, в чьих руках находилась его жизнь и, возможно, моя. И боялся потому, что влиятельное лицо заподозрит его в разгадке какой-то тайны, которой на деле у Андрея не имелось и к которой он надеялся приблизиться с моей помощью. Я же бездвижно сидел в дне пути от Египта, и не мог даже уведомить друга о своём незавидном положении.

Но главное, что я теперь тоже не мог уяснить – что так влекло средневековых странников в эдакую даль, кою даже и теперь, судя по моему нынешнему опыту, посещать небезопасно? Проходили дни за днями, но то, что полагал я вначале замком, оказалось ещё одним ключом, а замка по-прежнему не было.

Минуло месяца полтора или около того, я с трудом восстанавливал счёт дней, а лунный календарь мусульман нескоро ещё мог сойтись в моей голове с нашим, знал я лишь, что прошло Рождество. Немолодые или издержавшие свои лета караульные с кривыми саблями наголо вывели меня из грязного затхлого мешка, и лениво поплелись по длинному мрачному коридору, держа меня в двух сажнях впереди себя. Спросонья я не мог сообразить, куда и зачем мы шествуем, однако то уже, что утро это отличалось от всех других, наводило на приятные ожидания, ибо любое изменение положения становилось развлечением в этой юдоли безнадежной печали. Вместо обычного пути за поворот наружу, меня окликнули, приказав остановиться. Один из османлы сдвинул засов потайной двери, та лязгнула и пропустила нас в узкий проход, по которому ощупью двигался я под тихие равнодушные ругательства следовавших за мной гуськом караульных. За очередным поворотом проход раздался вширь и пролился навстречу мне потоком света – так что от боли я закрыл глаза ладонями. Не дожидаясь, пока я свыкнусь с ярким днём после глухого сумрака каземата, двое солдат протащили меня под руки куда-то дальше через пустой двор, я услышал, как отмыкают они какие-то решётки, и наконец грубый укол в спину концом сабли столкнул меня по двум высоким ступенькам внутри тесной каморки. Ударившись о свод, я сел на землю подвала, дно которого оказалось на аршин ниже камней двора, и осмотрелся. Двор, в который привели меня казался меньше тюремного и более походил на плац для тренировки солдат. Стена сажнях в тридцати спереди предназначалась не столько для предотвращения побегов отсюда, сколько защищала от нежелательных глаз снаружи. Прошёл час, за ним другой. Шарканье чьих-то шагов заставило меня чуть отпрянуть от стены и приглядеться. Я не ошибся, место это предназначалось для свиданий. Неужели же из Александрии прибыл долгожданный тосканский консул?

Знакомая фигура, сопровождаемая слугой, шествовала прямо к моему каземату. Рядом двигалась целая колонна, возглавляемая каким-то напыщенным турецким чиновником наподобие начальника тюрьмы, с эскортом из полудюжины слуг.

Стоять в рост я не мог, так что сел на верхнюю ступень влоборота к решётке. Неудобство моего положения вызывалось теперь лишь тем, что лицо моё находилось чуть выше сапог неожиданного визитёра.

– Это в точности тот, кого я искал, – услышал я. – Благодарю вас, за то, что он в хорошей сохранности... Мсье Рытин, – голова Беранже, лишь ненамного вылезавшая из высокого щегольского воротника, наклонилась ровно настолько, чтобы заглянуть ко мне. – Я имею намерение вызволить вас отсюда.

– Делайте же это скорее, господин полковник, – с радостью откликнулся я.

– Увы, это не так просто, – он сделал знак, и турецкая делегация удалилась так же важно, как и объявилась здесь. Двое солдат с удивительным для всеобщей здесь лени проворством приволокли крошечный диванчик и подставку для ног.

– Знаю, – ответил я. – Надо спросить, сколько ему дали за то, чтобы упрятать меня сюда, и предложить больше. Если у вас не хватит денег, пошлите за консулом в Яффу, он всё устроит. Я выдержу ещё не более нескольких дней. Кстати, если уплатить вдвое, мы узнаем, кто устроил моё заточение.

– В том нет необходимости, ибо я и так это знаю. Я искренне хочу считать вас своим другом, – сказал он почему-то. – Но у меня имеются и недруги. Все они пожалели об этом. Кроме одного. Но в вас я хотел бы всегда иметь друга. Вы знаете, о каком враге я говорю? Это Карно.

Беранже взирал на меня твёрдо и холодно. Я сразу понял всё.

Ни единой нотки былой почтительности или вальяжности не оставалось в нём для меня, не то что тогда, когда мы ужинали под блёклым небом Бейрута. Он возвышался надо мной, опершись о стену с вмурованными в неё ржавыми прутьями, я же и сидя принуждён был пригнаться, дабы не упереться теменем в свод. Невольно припомнил я трепет, с которым, благоговейно согбённый, вступал я в Кувуклию Гроба Господня, и нестерпимо захотелось мне ещё раз припасть коленопреклонённо к мраморной плите, лобызаемой тысячами поклонников. Увы, находясь физически почти в таком же положении, духовно я находился далеко от места мечты моей. Я догадывался, конечно, что Беранже умышленно устроил так, чтобы я встретился с ним, находясь в тесной клетке и видя чистое небо. Правила, а паче них бакшиш вполне позволяли нам беседовать на диванах за кофе, вином и кальяном. Вероятно, он намеренно дождался, пока солнце повернётся лицом к окошку, дабы усугубить моё положение, вынудив меня созерцать этот ярчайший из знаков свободы, впрочем, возможно, он хотел напитать каморку мою светом, дабы ему легче читались ответы на моём лице.

– Лазар, кажется, увлекался математикой, его сын Сади что-то писал о тепловых машинах, – медленно, словно лентяй, произнёс я, прикрыв ладонью солнце. – Или ищете вы мертвеца?

– У меня прекрасная память на имена, – проговорил он, и слабый ветерок донёс до меня душистый запах табака его трубки. – Я немедленно навёл тогда справки о господине Муравьёве. Ваш посол в Стамбуле, разумеется, сообщил мне о нём. Однако когда сей Муравьёв отправился в Александрию с визитом к Мегемету Али, я достоверно выяснил через своего кузена, что он не мог знать Карно раньше. Хотя бы по причине того, что в то самое время находился в Персии. Я сделал вывод, что вы ошибались за давностью лет или намеренно лгали, но тут мне в руки попало это...

Он протянул мне из-за спины две книги и движением большого пальца по очереди распахнул титульные листы.

«А. Н. Муравьёв. Путешествие ко Святым местам в 1830 году» – прочитал я и горько усмехнулся. Что ж, вот и труд, к которому заранее я так ревновал. Издан, распространён по всему свету и в то время как я оживляю собой грязный застенок, он – салоны просвещённого Петербурга. Его обсуждают в литературных кружках, и в учёных кафедрах уж пишутся хвалебные рецензии. Не мог я думать, что узреть его сподобит меня Господь в столь незавидном положении.

– Не позволите ознакомиться?

– Сам жажду.

– Вы разве знаете по-русски?

– Книги настолько полезны, что для этого их не всегда надо читать, – усмехнулся он и словно спохватился: – Впрочем, как кому! Некоторых один взгляд на иную страницу может свести в могилу.

– Откуда она у вас? – мне пришлось несколько раз кашлянуть, чтобы прогнать из голоса хрипоту.

– Муравьёв любезно подарил её моему кузену, – признался Беранже. – Там имеется несколько добрых слов о нём. А эту доставили мне из Марселя.

«Н. Н. Муравьёв. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1820 году» – значилось на втором титуле. Немалых усилий стоило мне сопоставить обе эти книги, но Беранже, поняв превратно мою ухмылку, пришёл на помощь.

– Тайна ваша раскрыта, – вкрадчиво произнёс он, склонившись ближе. – Шпионы, как вы и ваш друг, должны вести себя осмотрительнее, а не засыпать мир своими очерками направо и налево. Тщеславию надо давать отстояться по крайней мере лет пять, как сделал господин, – он пощёлкал пальцами, будто вспоминая, но на деле лишь издеваясь надо мною, – Дашков, иначе можно угодить впросак. Напишешь такой вот том, прославишься на полмира, а кто-то в другой половине угодит в тюрьму. М-да, Дашков был талантливый и очень предусмотрительный молодой человек, он дождался, пока все лица окажутся в безопасности... на этом и на том свете, и лишь после этого позаботился отвести удар и от себя. Я ведь, представьте, и не знал о существовании вашего друга Муравьёва-младшего до сего творения! Впрочем, из неловкой книги его узнал я другой интересный факт: кузен мой, что консулом в Александрии, путешествовал с ним из самого Константинополя и показывал красоты Нила. – Беранже наконец сел на свой диванчик и вытянул ноги. – Видите, как всё может находиться близко, но как трудно сплести воедино сведения, даже имея их все под рукой! Теперь далее. Когда вы в Бейруте упомянули сию славную фамилию, я, конечно, подумал на его знаменитого брата, генерала, Карского счастливица... Конечно, в отличие от него, Андре в силу возраста никак не мог встречаться с Карно десять лет назад. А Николая, как мы видим, в ту пору путешествовал по Каспийским окраинам. Значит, не кто иной, как Андре видел нашего Жана-Луи живым где-то на пути из Каира в Александрию, ведь кузен мой, посвящённый не во все подробности, не следил за каждым восторженным ахом будущего писателя. Занимательные страницы молчат о тайном randevu, и, полагаю, не случайно. А о чём молчит его предшественник господин Дашков? – Он и сам помолчал, словно для иллюстрации своих слов. – Вам, – он вынул из-за пазухи руку и направил на меня свой отвратительный жирный палец с пронзительно голубым топазовым перстнем, – следует начать говорить, друг мой.

– Не следует вам называть меня своим другом, мсье, – перво-наперво ответил я. – И соблаговолите принять мой вызов. Надеюсь, поединок состоится вскоре.

Я наконец, понял, что показалось мне странным, когда мы впервые заговорили в Бейруте о Карно: не нервный перезвон колец о стекло бокала, а пронзительное сияние крупного камня, о котором незадолго до того упомянул Артамонов. Так Беранже и Россетти принадлежат одному тайному обществу! Что ж, художник не зря беспокоился, а вот я тогда опрометчиво не поднял тревоги.

– Об этом не может идти речи! – воскликнул он и радостно всплеснул руками. – Дуэльный кодекс не позволяет противникам фехтовать через решётку! Оставьте волнения на сей счёт, господин Рытин, «оставь упования всяк входящий сюда». Видите, какое уважение питаю я к вам, что даже поставил ваши фамилии рядом со слогом великого Данта. Здесь чрезвычайно удобное место. Юрисдикции что султана, что паши тут весьма условны, власть зыбка, и как повсюду в Турции источником её является местный эмир или мусселим. Посудите сами, выйти отсюда непросто, узники редко живут долго, болезни и нечистоты нещадно косят их. А даже выйдя стариком, разве вы сможете целиться без глаза или стрелять без руки, отрубленной, скажем, за кражу? Или вам просто переломают пальцы в пыточной. Там вы признаетесь во многом, а уж в знакомстве с Карно и подавно! – Он резко приблизил своё лицо к решётке и зашипел, почти не разжимая губ: – К чему вам муки? Вам, прожигателю жизни и чужих денег? Только не оправдывайтесь занятиями наукой! В наш век научились неплохо зарабатывать даже

на стихах, что уж говорить о науке, которая позволяет иным молодым дарованиям жить в своё удовольствие! Зачем вы скрываете его? Кто он вам? Случайный знакомый – один из сотни, которых вы повстречали и можете ещё встретить на своём пути. К чему вам тратить жизнь и здоровье? Свобода ждёт вас – скажите только, где он?

Я едва сдерживал к нему свою ненависть.

– Интересно, почему вы не солгали, что он упрятал меня сюда? Я бы мигом выдал его с потрохами.

– У вас бы возник вопрос, а от кого я мог это узнать? Ведь не от кого! Да и к чему лгать, если ложь можно уличить? Я не считаю, что для достижения цели хороши любые средства. Вот шантаж – иное дело. Хороший шантаж требует недюжинного ума, выдержки и такта – он, а не ложь, приносит удовольствие. Послушайте меня и учитесь: в наше время лгать вовсе не обязательно. Следует только умело подобрать такие правдивые сведения, что у вашего противника волосы дыбом встанут. И в этом нет ничего дурного. Так действуют властители, купцы и – учёные, разве нет? А вообще, правдивые сведения существуют в таком избытке, что их можно объяснить как угодно. А кроме того, мне хочется, чтобы вы знали, что это я разнообразил вашу жизнь. Чуть позже вы поймёте, почему.

– Вы полагаете, что целью, – я сделал паузу, чтобы отделить несколько последующих слов, – моего друга Андрея Муравьёва являлась встреча с Карно?

– О, нет, конечно! – фальшиво замахал он руками, смеясь, но тут же его лицо снова сделалось жестоким: – Я полагаю, что – *оба* Муравьёвых имели к нему какое-то дело.

– Зачем так необходим вам человек этот, что вы готовы идти на преступление, Беранже? – спросил я. – Он вам что-то должен?

– Он предатель, – уклончиво сказал тот, и брови его поднялись. – И пусть не заботит вас его прошлое, совсем не ангельское. К тому же посадить человека в тюрьму в Турции не есть преступление. – Отсюда он громко зашептал, сдабривая придыхания расстановкой. – Правосудие здесь не отягощается лицемерной видимостью ведения процесса или соображениями справедливости. Это обычная мера соперников, имеющих тяжбу. Она кормит местного мусселима. Вы могли бы удвоить сумму и упечь меня, но, к счастью, у вас при себе нет денег... Иначе мне пришлось бы удваивать вашу ставку и так далее, пока вы всё равно не оказались бы за решёткой, а я разорён. Впрочем, к чему я вам это говорю! Как заключённый со стажем, вы можете дать мне сто очков вперёд по части таких рассуждений.

– Расскажите мне о вашем Карно, возможно, человек, на которого я думаю, вовсе не он.

– Это мило! – воскликнул он и вскочил так резво, что опрокинул свой диван. – Вы хотите меня уверить, что после смерти Шампольона существует ещё один гений в египтологии, знаток древних семитских наречий, археолог, знакомый со всеми мало-мальски значительными находками на Востоке за последнюю треть столетия! Да вы сами уличили его именно по всем этим признакам, потому что, как я смею подозревать, он вовсе не горел желанием вам представиться. Как, впрочем, и Муравьёву. Так я и поверю, что он раздаёт свои визитные карточки с подлинным адресом в Каире! Э-э, нет, вы искали его и нашли, по совету вашего знаменитого приятеля-пустозвона, бездумно исполнявшего в Египте петербургские поручения.

– Вы и это знаете? – рассмеялся я, видя, как он утирает платком лоб. – Вам рассказал кузен?

В безветрии дворика стало припекать, и положение на жгучем солнцепёке, избранное им как наилучшая часть тактики для допроса, теперь делалось невыносимым ему самому. Попросив прощения, я поинтересовался, входит ли в цену моего заключения навес или опахало для самого Беранже. Добавив, что спешить мне некуда, я предложил побеседовать подробно. На что он только зло махнул кому-то, и вскоре над ним появился кусок линиялой парусины на трёх шатких основаниях. Принесли кофе и две трубки с чубуками трёхаршинной длины, какие

обычно подают только самым почётным гостям или важным заключённым, из которых один просунули мне сквозь решётку.

– Мои люди прошли по вашему следу. Я теперь многое знаю о вас.

– Раз так, прикажите подать моей любимой еды – дурная злит меня больше голода, и за неимением другой персоны, проклятия скапливаются на вашей, – сообщил ему я и спросил в свой черед: – Но раз они всё знают, тогда почему они не сыскали того, кого вы нарекаете Карно? Не премините заказать немного вина.

– Потому что вы тщательно его замаскировали. – Беранже, нахмурившись, распорядился, живо набросав несколько строк своему слуге. – Мы отыскали его дом, но там уже обосновались вы. С вашим почётным кучером берлинской академии.

От кого же явились те первые нападавшие на учёного француза? Впрочем, я не мог долго удерживать этот вопрос в своей голове. Решётку отомкнули и весьма скоро на обед получил я в точности то, что пуще всего полюбил на Востоке: пилав с жирной бараниной, чашку шербета. Белое вино, поданное, думаю, из запасов самого полковника, многочисленными оттенками походило на обожаемое мною цимлянское. Я ощутил странную благодарность к этому человеку, всё ещё грозившему погубить меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.